Магония

Автор:
Мария Хэдли

Магония

Мария Дахвана Хэдли

#YoungFantasy

Шестнадцатилетняя Аза с рождения страдает загадочной болезнью легких. Она не может нормально дышать, говорить, жить. Недуг медленно убивает Азу, и доктора не знают, как исцелить ее… Однажды она видит плывущий по небу старинный корабль. Все уверены, что Азе это привиделось: просто галлюцинация, вызванная лекарствами. Но вскоре девушка исчезает из этого мира. И оказывается в другом… Там, наверху, в Магонии.

Мария Дэвана Хэдли

Магония

1

Maria Dahvana Headley

MAGONIA

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg

Copyright © 2015 by Maria Dahvana Headley

© С. Арестова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧАЙНЕ

{{{{ &,&,& }}}}

Пролог

Я делаю вдох и выдох. Небо – сплошные облака. Сверху, извиваясь, спускается канат. Одним концом он уходит в небо, а другим тянется к земле. Перед глазами мелькает лицо женщины, она смотрит на меня, а вокруг целые сотни птиц. Они взмывают в небо, подобно волне, переливающейся черным, золотым и красным, и я чувствую себя в безопасности, и мне холодно, и здесь только луна и ярко горящие звезды.

В сравнении с ними я становлюсь крошечной. Я больше не на земле.

Все мы мечтаем о небе и летаем во сне, но в этом сновидении я не летаю, я плыву, и подо мной океан из ветров.

Я говорю «сновидение», но оно кажется более настоящим, чем вся моя жизнь.

Глава 1

{АЗА}

Я хронический пациент.

Вот что я говорю людям, когда нет настроения отвечать на всякие дурацкие вопросы. Это моя дежурная шутка.

Она пресекает любые попытки завести со мной разговор, а заодно избавляет собеседника от необходимости подавлять зевки и делать сочувствующий вид. А если сдобрить ее извиняющейся улыбкой, больше похожей на гримасу отчаяния, то беседа гарантированно закончится ровно через пять секунд.

Аза: «Да со мной ничего такого серьезного. Не переживайте. Я просто хронический пациент».

Собеседник: «Э-э… м-м… а-а. Сочувствую. То есть поздравляю. Вы же сказали «ничего серьезного»! Это же хорошо!»

Аза (скривившись): «Спасибо, что поинтересовались. Это страшно мило с вашей стороны».

Подтекст: Это нисколько не мило. Отвяжитесь наконец.

После этого расспросы обычно прекращаются. В отличие от близких посторонние люди по большей части ведут себя тактично. Хотя замещающему учителю, на глазах у которого у меня начался такой сильный приступ кашля, что пришлось вызывать «Скорую», подобная деликатность, должно быть, далась нелегко.

Люди не хотят напоминать мне о том, что я, несомненно, и так знаю. И, поверьте, я действительно об этом знаю. Не глупите. И меня за идиотку не принимайте.

Это вам не «Маленькие женщины». Бесс, вся такая милая и болезненная, всегда вызывала у меня рвотный позыв. И главное, никто не догадывался, что она умирает, хотя это было совершенно очевидно. В таких книгах стоит только кому-нибудь закутать вас в одеяло, а вам невзначай слабо улыбнуться в ответ – все, вы покойник.

Поэтому слабо улыбаться я себе не позволяю, даже если действительно чувствую слабость. Иной раз лучше вообще сделать вид, что все в порядке. Не хочу превратиться в прикованного к постели больного, который доставляет всем одни лишь неудобства.

Пиф-паф, умер ты. Закрывай глаза и спи.

Примечание. Инвалид. И кто только придумал называть тяжелобольных людей словом, которое происходит от прилагательного со значением «недействительный»?

Итак, тема смерти регулярно всплывает в моем присутствии. Взрослые не любят говорить о смерти. Честное слово, я и сама не люблю о ней говорить – в отличие от своих сверстников.

Они только ее и обсуждают: СМЕРТЬ СМЕРТЬ СМЕРТЬ. Их разговоры похожи на нескончаемый репортаж обо всех трагических происшествиях на земле. Они просто до неприличия очарованы смертью.

Ничего, что некоторые из нас – те, кто, скажем, смертельно болен, – не так уж сильно ею очарованы? Ничего, что некоторым из нас не так уж приятно находиться в одном помещении с людьми, которые постоянно обсуждают смерть знаменитостей – от передоза, в автокатастрофе или в результате загадочного нервного срыва?

Подростки любят плакать и мелодраматично рассуждать о том, что и в нашем возрасте люди умирают. Это я вам говорю как человек осведомленный в подобных вопросах, как человек, годами игравший роль Той Самой Девочки, С Которой Я Был Близко Знаком И Которая Однажды Трагически Умерла.

Правда, я еще не умерла. Я все еще тут, и именно поэтому меня так раздражают все эти романтизированные готические фантазии о смерти.

Взрослые говорят о ней куда менее охотно. В мире взрослых смерть – это своего рода Санта-Клаус, только у него все наоборот. Он забирает подарки и с большим мешком за плечами карабкается вверх по трубе, а затем садится в повозку, запряженную восьмеркой оленей, и увозит с собой всю твою жизнь: воспоминания, и бокалы для вина, и кастрюли, и сковородки, и свитера, и горячие бутерброды с сыром, и бумажные платки, и эсэмэски, и уродливые комнатные растения, и шерсть трехцветных кошек, и помаду, израсходованную только наполовину, и нестиранное белье, и письма, которые ты старательно писала от руки, но так и не отправила, и свидетельства о рождении, и сломанные кулоны, и одноразовые носки, которые протерлись за то время, пока ты носила их в больнице.

И записки, которые ты вешала на холодильник.

И фотографии парней, по которым ты сохла.

И платье, в котором ты пришла на школьный вечер, где в итоге танцевала одна, – еще до того, как стала слишком слабой для таких нагрузок и начала от них задыхаться.

И, наверное, там же будет твоя душа или что-то вроде того – впрочем, об этом всерьез размышлять не стоит.

В любом случае в Санта-Клауса взрослые не верят и очень стараются не верить в Санта-Клауса Наоборот.

В школе вся эта ситуация с редкой болезнью и неминуемой гибелью придала мне загадочности в глазах сверстников. В реальном мире я стала самой настоящей проблемой. Щелк – взволнованный взгляд, щелк – озабоченное лицо. «Может быть, тебе, Аза, с кем-нибудь поговорить о том, что ты чувствуешь?» А вместо гарнира совсем уж неудобоваримые советы: а-может-обратишься-к-Богу-психологу-антидепрессантам?

Есть еще такой вариант: а-может-вера-целители-травы-кристаллы-йога? А ты не пробовала заниматься йогой, Аза, нет, ну правда, не пробовала, потому что йога помогла одному знакомому моих знакомых, который должен был умереть, но в итоге не умер, и все благодаря позе собаки мордой вниз?

Нет. Я не пробовала заниматься йогой, потому что йога меня не вылечит. Моя болезнь – Тайна, и не просто Тайна, а самый настоящий Бермудский треугольник, только еще и солнечный свет туда не доходит.

Загадка. Неизвестность.

Каждое утро я пригоршнями глотаю таблетки, хотя никто точно не знает, что же со мной такое. Вот такая у меня редкая болезнь. («Насколько редкая?» – спросите вы.)

Настолько редкая, что, сколько бы раз у меня ни брали кровь на анализ, сколько бы тестов ни делали, сколько бы предметов мне ни совали в глотку, сколько бы раз меня ни отправляли на рентген, МРТ и УЗИ, сколько бы ни брали мазков, точного диагноза поставить так и не удалось.

Настолько редкая, что если бы про меня и мою болезнь сочинили песню, то это была бы баллада о неразделенной любви с припевом на манер: «Детка, мне нужна только ты, ты одна». Помимо столь завидного постоянства моя болезнь славится еще и настырностью и, подобно упрямому кавалеру, терпеливо ждет, пока я не прекращу сопротивляться и не упаду в ее объятия.

Настолько редкая, что пока что я единственный человек на земле, которому достался этот подарок судьбы.

Вам может показаться, что я преувеличиваю. Но нет, болезнь моя настолько редкая, что ее назвали синдромом Азы Рэй.

В честь меня, Азы Рэй Бойл.

По-моему, это неправильно. Я не хочу, чтобы болезнь стала моим двойником, не хочу обрести бессмертие, став случаем из медицинской практики, не хочу, чтобы мое имя еще сотню лет произносили студенты-медики. Ученые из лаборатории просто взяли и отправили доклад, в котором болезнь названа моим именем, в журнал «Природа», а МЕНЯ никто и не подумал спросить. Я бы им этого не разрешила. Я бы сама хотела придумать название своему недугу. Мне вот нравится вариант Подонок, хотя Элмер или Клайв тоже звучат довольно отвратительно.

На самом деле я не очень люблю обсуждать смерть и все, что с ней связано. У меня нет депрессии, просто с тех пор, как я себя помню, вся моя долбаная жизнь идет наперекосяк.

Да, мне разрешают выражаться, если того требует случай. А моя болезнь определенно заслуживает самых ярких эпитетов. Почему? Потому что я заперта в собственном теле, там тесно и негде развернуться, и болезнь меня победит. Ладно, давайте не будем больше говорить о том, чего нельзя исправить. Я модификация девочки-подростка – по крайней мере, так я себя называю, когда хочу объяснить человеку кое-что, о чем мы оба предпочли бы и не упоминать, чтобы раз и навсегда разделаться с этой темой и перейти к более стоящим.

Разумеется, я знаю, что выгляжу неважно. Не стоит так озабоченно на меня смотреть. Знаю, что вам хочется помочь мне, но это невозможно. Знаю, наверняка вы хороший человек, но, серьезно, хватит уже. С посторонними я готова обсуждать что угодно, только не это.

Но где же факты? В чем заключается Элмер/Клайв/Подонок/синдром Азы Рэй и как я с ним живу? Живу я в помещениях, где нет пыли. Так было практически всю мою жизнь. Когда я появилась на свет, я была здорова и (в теории) совершенна. Почти что год спустя мои легкие вдруг перестали понимать, что такое воздух.

Однажды утром, заглянув в мою комнату, мама увидела, что у меня начался приступ. Она не растерялась (это же все-таки моя мама) и принялась делать мне искусственное дыхание. Она поддерживала во мне жизнь, пока меня не доставили в больницу, где меня подключили к аппарату искусственной вентиляции легких, который тоже едва справлялся с этой задачей. Мне дали лекарства, а концентрацию кислорода в воздухе понизили вместо того, чтобы повысить. И стало немного лучше.

Точнее сказать, намного лучше, ведь я до сих пор жива. Но такого прогресса все равно было недостаточно. В детстве я, казалось, сотню лет спала внутри капсул из прозрачного пластика с торчащими из них трубками. Помню, как засыпала в одних помещениях, а глаза открывала в других; помню бесконечные осмотры у врачей; помню, как вращалась красно-белая мигалка и вопила сирена – и так снова и снова. Вот так и приходится жить, если тебе посчастливилось заболеть Клайвом.

Выгляжу я странно, и внутри у меня все не так, как у других. Для докторов я чудо природы, потому что у меня отклонения во всем организме и по всему телу, всюду, кроме мозга, который один, насколько можно судить, остался в полном порядке.

Слышали про людей, страдающих от нарушения химического баланса мозга? Хотя бы этой напасти я избежала. Я не просыпаюсь по ночам от панического страха перед концом света, меня не посещает желание откусить себе пальцы, да и допиваться до комы тоже не особенно хочется. При таком раскладе иметь мозг, который почти всегда тебя слушается, чего-то да стоит.

Во всем остальном я настоящая диковинка – меня впору показывать на Всемирной выставке. (А как было бы здорово, КАК БЫЛО БЫ ЗДОРОВО, если бы вместо Всемирной выставки провели ярмарку уродцев, желательно неподалеку от места, где я живу. Там были бы целые ряды павильонов с разочарованиями и огромные неработающие конструкции. Вместо летающих машин там были бы автомобили, ползающие на манер гусениц. В общем, никаких экспонатов в духе: «О господи, какое потрясающее будущее нас ждет!» – а совсем наоборот.)

Я стараюсь не поддаваться болезни, но она довольно настойчива. Попав к ней в лапы, я начинаю задыхаться и иногда даже падаю на пол, где бьюсь и издаю свистящие звуки, как нечисть, выловленная со дна пруда. Иногда я думаю: как жаль, что нельзя вернуться на это самое дно и начать все сначала где-нибудь в другом месте. И в другом теле.

Я втайне считаю – точнее, не совсем втайне, потому что периодически я озвучиваю эту мысль, – что я лишь по какой-то ошибке родилась человеком. Не могу я нормально функционировать.

А теперь мне уже почти шестнадцать, до дня рождения осталась всего неделя.

ШКОЛЬНАЯ МЕДСЕСТРА: «Ты самое настоящее чудо! Ты наше чудо!»

АЗА РЭЙ БОЙЛ: (делает вид, что ее сейчас стошнит)

Раз уж я все еще жива, я подумываю о том, чтобы устроить вечеринку. Шестнадцать лет – особая дата; вокруг нее всегда много шумихи. В шестнадцать все вдруг меняется, и ты оказываешься на своем месте в этом

мире: на тебе розовое платье, ты целуешься с симпатичным парнем или исполняешь эффектный танцевальный номер.

Поправка: так происходит в кино. А что же случается в жизни? Я не знаю, да и стараюсь не задумываться над этим всерьез.

Кого бы я пригласила? Да ВСЕХ. Кроме тех, кого на дух не переношу. У меня достаточно знакомых, чтобы описать их словом «все», но если звать только тех, кого я действительно хотела бы увидеть, то список гостей сократится до пяти-шести человек. Можно было бы пригласить врачей, и он сразу бы вырос в несколько раз. На днях я поделилась этой мыслью с родителями, и теперь они пребывают в замешательстве, потому что надеялись, что хотя бы на этот раз я буду радоваться предстоящему празднику, как нормальный подросток. Мое отношение к жизни их всегда не устраивало.

Но будь я само совершенство, от этого стало бы только хуже, не находите? Чем больше у человека изъянов, тем меньше его будут оплакивать.

Дни рождения у нас никто не любит. Все члены семьи начинают беспокоиться, и даже растения выглядят встревоженными. У нас есть одно растение, которое умеет сворачиваться. Ему не позволено находиться со мной в одной комнате, но иногда я его навещаю. Стоит только дотронуться до его листьев, как они сразу же сморщиваются. Сейчас оно имеет как раз такой сморщенный вид, как будто говорит: «Отвяньте от меня».

Дошло?

Отвяньте. (Как смешно. Просто уморительно.)

Школа. Первый звонок. Я иду по коридору мимо миллиарда шкафчиков. Я опаздываю на урок без какой-либо уважительной причины – вот только уважительная причина у меня есть всегда.

Я поднимаю сжатую в кулак руку, и мы с Джейсоном Кервином, который тоже опаздывает, стукаемся костяшками пальцев. Он не подает виду, что заметил меня, и я поступаю так же. Только легкий удар костяшками. Мы с Джейсоном знакомы с пяти лет, он мой лучший друг.

На Джейсона не распространяются правила безопасности, которые ввели мои родители (и которые фактически сужают круг моего общения до круга семьи), потому что он наизусть знает порядок действий в любых чрезвычайных ситуациях.

Ему позволено сопровождать меня туда, куда не хотят тащиться мои родители, или туда, где они не хотят торчать с утра до вечера. С Джейсоном мы ходим по океанариумам, изучаем витрины с насекомыми и диорамы с чучелами в музеях естественной истории, заглядываем в антикварные книжные магазины, где книги можно листать только в перчатках и защитной маске, и часами пропадаем в подсобках коллекционеров-любителей, где хранятся засушенные бабочки, кости редких животных, а также анатомические модели в натуральную величину.

И так далее.

Джейсон никогда не говорит о смерти, разве что в контексте разных жутких, но очень крутых вещиц, ради покупки которых мы готовы перекопать весь интернет. А как же Все Физические Изъяны Азы Рэй? Джейсон о них даже не упоминает.

Второй звонок, а я все еще в коридоре. С невозмутимым видом я показываю нужный палец Дженни Грин. В волосах у нее розовая прядка, локти такие острые, что можно уколоться, а джинсы сто`ят не меньше, чем вполне приличная подержанная машина. В последнее время Дженни просто выводит меня из себя своим мерзким поведением. У нас с ней молчаливая война, потому что на этом этапе она уже не заслуживает слов, хотя недавно, переступив черту дозволенного, она много чего мне наговорила. Обзывать больную девочку? Вы что! Всем давно известно, что так делать нельзя.

В каком-то смысле я ее даже немного уважаю, ведь она пошла против правил и сделала то, на что у других не хватило бы смелости. Есть в этом что-то бунтарское. В последнее время набирает все большую популярность мнение, что я похожа на девочку-привидение с кровожадным взглядом из одного японского ужастика. Так вот, чтобы надо мной поиздеваться, на днях Дженни явилась в школу с белой пудрой на лице и голубой помадой на губах.

Дженни улыбается и шлет мне полный яда воздушный поцелуй, который я шлю обратно. Сегодня губы у меня и правда сине-фиолетовые, и это не на шутку ее пугает. Я содрогаюсь и делаю вид, что ловлю ртом воздух. Если уж мне выпала роль девочки-привидения, надо извлечь из этого хоть какую-то пользу. Дженни смотрит на меня с таким видом, будто я играю не по правилам, и в отвращении убегает на урок.

Далее следует бесцельная остановка у шкафчика и медленная прогулка по коридору. По пути я заглядываю в чужие классы через окошки в дверях, в которые вставлена проволочная сетка, чтобы такие, как я, не шпионили за нормальными людьми.

Почувствовав, что я наблюдаю за ней, моя младшая сестра Илай поднимает голову от тетради, в которую записывает лекцию по алгебре. Я вскидываю кулаки и изображаю рок-звезду. В это время дня никто не может наслаждаться такой неограниченной свободой, как я: привилегия больной девочки. Илай закатывает глаза, а я продолжаю свой путь, совсем чуть-чуть покашливая – ничего серьезного.

Я захожу в класс спустя семь минут после того, как отметили всех присутствующих, и мистер Гримм высоко поднимает брови. Он зовет меня «Неизменно Непунктуальная Мисс Аза Рэй», и, да, Гримм – это его настоящая фамилия. Глаза у него подслеповатые, как у летучей мыши, а еще он носит очки в толстой оправе и тоненький хипстерский галстук, но такой имидж ему совсем не идет.

Мистер Гримм довольно мускулист; это заметно даже несмотря на то, что он никогда не засучивает рукава. Рубашка так натягивается у него на бицепсах, что вот-вот треснет, из чего я заключаю, что личной жизни у него нет, а свободное от работы время он посвящает поглощению протеиновых коктейлей.

Судя по его внешнему виду, ему самое место в школьном спортзале, а не у доски, правда, стоит ему только открыть рот, как он сразу превращается в ходячую энциклопедию. Еще мне кажется, что у него есть татуировки, которые он всячески пытается скрыть – например, с помощью тонального крема и длинных рукавов. Сделать перманентное тату в виде черепа/корабля/голой дамочки (?), пожалуй, не самый дальновидный поступок, если ты учитель. Приходится все время ходить со спущенными рукавами и застегнутыми манжетами.

Мистер Гримм пришел к нам в школу только в этом году. Он довольно молод, если, конечно, тридцать лет можно назвать молодостью. Но татуировка – это интересно. Трудно угадать, что на ней изображено, потому что я даже не представляю ее размеров.

Как подумаю о ней, сразу самой хочется что-нибудь набить. Хочу себе татуировку еще неприличнее, чем у него.

Мистер Гримм постоянно жалуется, что, если бы только я оторвалась от своих книг и начала внимательно слушать его лекции, я смогла бы раскрыть свой потенциал. Но причитает он напрасно, ведь у нас в школе от силы человека четыре читают книги, и я одна из их числа.

Знаю, звучит занудно. Да, я люблю читать, хотите – забросайте меня камнями. Я могла бы сказать, что выросла в библиотеке и книги были моими единственными друзьями, но нет, из милосердия к окружающим ничего такого я не делала. Я не вундеркинд, да и в волшебницы не гожусь. Я – это просто я. И я люблю читать. Нельзя сказать, что книги – мои единственные друзья, но мы с ними определенно на короткой ноге. Вот и все.

Слушать лекцию мистера Гримма у меня нет необходимости. Про что бы он там ни вещал, я это уже читала. Вот сегодня, к примеру, мы проходим «Старик и море».

Один одержимый малый, большая рыбина и череда грандиозных провалов. Интересно, сколько поколений старшеклассников подвергались подобным литературным пыткам?

И все ради чего? Разве кому-нибудь из нас когда-нибудь придется вступить в смертный бой с большой рыбой? Какой в этом смысл?

«Моби Дика» я, кстати, тоже читала. Это еще одна вариация на тему «один одержимый малый, большая рыбина, таксономии скорби и обманутых надежд».

Знаю-знаю, кит = не рыба, а млекопитающее. Однако же киты всегда служили прототипом для «историй о больших рыбах», и это вполне закономерно, потому что род людской всегда все путает.

Я прочитала всего «Моби Дика», даже те главы, которые все пролистывают, и могу с исчерпывающей полнотой рассказать вам, как производить фленшеровку. Но, поверьте, лучше вам об этом не знать.

Ну же, мистер Гримм, спросите у меня что-нибудь из «Моби Дика». Давайте.

Где-то около месяца назад он так и сделал, потому что был уверен, что «Моби Дика» я на самом деле не читала, и хотел поймать меня на лжи. Я пустилась в пространные рассуждения о том, что жизнь паршива, об аллегориях, океанах и напрасных надеждах, которые плавно перетекли в обсуждение приключенческих фильмов о пиратах, казни путем прогулки по доске и женщин-космонавтов. Мистер Гримм был одновременно восхищен и раздражен. Он поставил мне зачет, без которого я бы и так обошлась, а потом назначил наказание за срыв урока, что, если честно, вызывает уважение.

Я бросаю взгляд на Джейсона Кервина, который сидит за соседней партой. Он устроился поудобнее и читает книгу в твердой обложке под названием «Сон, или Посмертное сочинение о лунной астрономии» Иоганна Кеплера: полный текст с комментариями». На обложку помещено крупное изображение лунной поверхности. Книжка выглядит старой и потрепанной, он явно взял ее в библиотеке.

Интересно, о чем она?

Я протягиваю руку и беру у него книгу, чтобы почитать описание. «Сон» считается первым научно-фантастическим романом, говорится в аннотации, а написан он был в двадцатых годах семнадцатого века. Это рассказ о путешествии на Луну, который ведется от лица астронома. Кроме того, Кеплер выступает в защиту учения Коперника, а дабы его не обвинили в ереси и не казнили, он прибегает к шифру. Лишь много лет спустя люди поняли, что фрагменты повествования, которые все приняли за фантастику, заключали в себе уравнения Кеплера и его представления о строении мира.

Пять баллов! Вот вам и летающая ведьма с чужой планеты.

Я в полном восторге. Такие книги я обожаю и сама мечтаю когда-нибудь написать нечто подобное. Еще меня всегда привлекали вымышленные языки и

разного рода загадки. Хотела бы я стать криптографом. Впрочем, до настоящего криптографа мне еще далеко, а пока что я, что называется, энтузиаст. Или, если угодно, любитель. А вообще, когда меня интересует какая-либо тема, я просто тщательно изучаю ее в интернете минут пятнадцать, а потом сбиваю собеседника с толку уверенным тоном.

Поэтому люди думают, что я умнее их. В результате вместо того чтобы толпиться вокруг меня с вопросами, они просто оставляют меня в покое. По сути, я не даю им возможности спрашивать обо всей этой ситуации со смертельной болезнью.

– Отдай, – шепчет Джейсон. Мистер Гримм бросает на нас гневный взгляд.

Я прикидываю, как утихомирить родителей, чтобы они не устраивали грандиозную вечеринку в честь моего дня рождения. Похоже, они нарисовали в своем воображении картину с катанием на роликах, клоунами, большим тортом и воздушными шариками, как было, когда мне исполнилось пять лет.

На тот праздник пришли всего лишь две девочки – и то только потому, что их заставили мамы, – и Джейсон, который вообще явился без приглашения. Мало того что он целую милю один шел до моего дома, так он еще и оделся с иголочки: на нем был костюм аллигатора, оставшийся еще с Хеллоуина. Джейсон не удосужился сказать своим мамам, куда собирается пойти, поэтому, решив, что их сына похитили, они вызвали полицию.

К роллердрому подъехала группа быстрого реагирования, и на каток ворвались копы. В этот самый момент и стало понятно, что нам с Джейсоном суждено быть друзьями. А он все кружился на роликах в своем костюме аллигатора, волоча за собой длинный зеленый хвост, пока его не попросили снять верхушку костюма и показать лицо.

Не такой уж и плохой выдался праздник.

Однако же для шестнадцатилетия у меня есть идея получше. Я рисую свой замысел в тетради: мертвый клоун, громадный многослойный торт; я выпрыгиваю из торта, и тут за мной прилетает воздушный шар; из корзины шара свешивается веревка, я забираюсь по ней и улетаю в далекие края. Навсегда.

Сколько страданий можно было бы избежать! Разве что клоун, умерший не по своей воле, от такой развязки ничего не выигрывает.

Кажется, мой смешок услышал мистер Гримм.

– Что вас так позабавило, мисс Рэй? Поделитесь с нами, давайте все вместе посмеемся.

Ну почему учителя всегда используют эту фразочку? Все остальные с облегчением поднимают головы, радуясь законному поводу отвлечься от выполнения теста. Джейсон усмехается. Неприятности как ничто другое помогают скоротать учебный день.

– Вам правда интересно? – спрашиваю я. Сегодня ко мне лучше не приставать. – Я тут размышляла о смерти.

Мистер Гримм смотрит на меня с явным раздражением. Я уже как-то использовала эту реплику у него на уроке. Это блестящий способ избежать наказания – каждый раз, когда я его применяю, учителя тают, словно мокрые ведьмы. Но мистера Гримма не проведешь, поэтому-то он мне и нравится. Он видит меня насквозь, потому что действительно смотрит, что само по себе уже необычно. Обычно никто ко мне не приглядывается. Люди боятся, что моя недолговечность их травмирует.

Помните пластиковую капсулу, в которой я провела почти все свои ранние годы? Она никуда не делась, просто стала невидимой. И теперь сделана уже не из пластика, а из чего-то гораздо более твердого.

– В контексте какого литературного произведения ты размышляла о смерти? – спрашивает мистер Гримм. От него пощады не жди.

– Как насчет «Бури»? – говорю я, потому что она есть в списке литературы и вот-вот на нас обрушится. В этом семестре у нас что ни книга, обязательно про океан. – Утонувшие близнецы.

– Близнецы были в «Двенадцатой ночи», а не в «Буре», и они вообще-то не утонули. Попробуй еще раз, Рэй.

Какой позор. Как же мне выкрутиться?

– Сыграй еще раз, Сэм, – говорю я в ответ. Разумеется, называть мистера Гримма по имени нам не разрешается. Затем я прибегаю к своему излюбленному методу: скормить слушателям один факт (в Википедии чего только не узнаешь), который создаст видимость глубоких познаний.

– Только это неверная цитата, – продолжаю я. – В действительности фраза звучит так: «Сыграй ее, Сэм». Но людям хочется побольше романтики и поменьше приказного тона.

Гримм страдальчески вздыхает.

– Ты «Касабланку»-то хоть смотрела? Ребята, через десять минут сдаем работы. Я бы на твоем месте, Аза, все-таки приступил к тесту. И не называй меня Сэмом – меня зовут Сэмюэл. Сэмом меня зовут только те, кто меня плохо знает.

Победа за ним, ведь он совершенно прав. «Касабланку» я, конечно же, не смотрела. Та цитата была моим единственным козырем. Я сдаюсь, беру в руки карандаш и принимаюсь за старика с марлином.

Сэмюэл. Кому в наше время взбредет в голову назвать ребенка Сэмюэлом? Я раздумываю, стоит ли вставить здесь ремарку о псевдонимах: Сэмюэл Клеменс, он же Марк Твен, автор «Жизни на Миссисипи», недавно мной прочитанной, – но воздерживаюсь. В последний раз, когда я решила поумничать, у нас началась словесная дуэль, а сейчас, судя по ощущениям в груди, я вряд ли смогу парировать его удары, не раскашлявшись.

За окном назревает гроза: по стеклам бьют ветки деревьев, а ветер бешено хлопает створками жалюзи – в этом здании вообще все старое и давно протекает.

Джейсон кидает мне на парту записку (потому что мистер Гримм всегда поднимает голову, как только у кого-нибудь начинает вибрировать телефон). В записке говорится: Гигантский кальмар. Завтра в пять. У тебя дома.

Мы собирались посмотреть видеозапись еще пару дней назад, но у меня начался такой сильный приступ кашля, что пришлось ехать в больницу. Это было паршиво.

Выражение лица хирурга, наблюдавшего за мной, пока я отходила от анестезии после эндоскопии, было для меня уже привычным: Вот это да, такого я еще не видел.

Мутант, написала я в блокноте, который мне вручили медсестры.

Хирург посмотрел на меня, а потом рассмеялся.

– Нет, – сказал он. – Вы, юная леди, у нас особенная. Мне еще никогда не доводилось видеть такие связки. Из вас бы вышла отличная певица.

Если бы только я могла нормально дышать, написала я в ответ. У него хватило такта изобразить смущение.

В знак солидарности Джейсон тоже не стал смотреть запись с кальмаром. Сначала он, правда, попытался уговорить медсестер включить ее прямо в больнице, но они отказались. В отделении экстренной медицинской помощи работают поистине бескомпромиссные люди.

Раз уж мы заговорили об океане и его обитателях, замечу, что запись, которую раздобыл Джейсон, – это первая видеосъемка гигантского кальмара в его естественной среде. Только представьте себе этого удивительного морского монстра с глазами размером с человеческую голову и телом длиной двадцать пять футов от плавников до кончиков щупалец. Это же в два раза больше, чем длина школьного автобуса. Вы только вдумайтесь: до этого момента гигантского кальмара, свободно плавающего на глубине, не видел никто и никогда. По-моему, это самое настоящее чудо, и, раз уж людям удалось увидеть такое, может быть, и в Лох-Нессе что-нибудь найдут. Может быть, весь мир наполнен всякими диковинными существами. Может быть, у нас еще осталась… надежда?

Каждый раз, когда я читаю, что исследователи обнаружили новый вид животного или новое природное явление, я все больше убеждаюсь: мы еще не все испортили на нашей планете.

До сих пор существовали видеозаписи только едва живых или однозначно мертвых гигантских кальмаров, но недавно один ученый погрузился на глубину в подводном аппарате и после длительных поисков заснял кальмара на камеру.

Один знакомый Джейсона имеет незаконный доступ к данным Вудс-Холского океанографического института в штате Массачусетс, и с его помощью Джейсону удалось отследить переписку института с членами экспедиции. Четыре дня назад он скачал видеозапись с кальмаром с институтского сервера и теперь только о ней и говорит.

С улыбкой на лице я смотрю на Джейсона, но он уткнулся в книгу. Только я собираюсь приступить к тесту, как прямо над террариумом с игуаной замечаю в небе какой-то предмет.

Он появляется всего на секунду, но кажется мне подозрительно знакомым, как будто я уже видела его во сне или на картине.

Это мачта с парусом.

Точнее, с двумя, с тремя парусами. С большими белыми парусами, развевающимися на ветру. И тут в грозовом небе показывается нос корабля.

И это просто…

У меня бывали галлюцинации, но такое я наблюдаю впервые. Недавно я читала о миражах в небе – кажется, они называются «фата-моргана».

Как-то раз один англичанин целых полчаса разглядывал Эдинбург, парящий над Ливерпулем. Но что могло дать такое отражение – в виде судна? Мы ведь находимся далеко от моря. Очень далеко.

Я дергаю мистера Гримма за рукав, и он с недовольным видом оборачивается. Я показываю пальцем в сторону окна.

Несколько мгновений он стоит неподвижно и пристально смотрит в небо, а затем снимает очки.

– Вот зараза, – говорит он.

– Что такое? – спрашиваю я. – Вы видите? Вы это видите?

Он мотает головой.

– Гроза, – говорит он и начинает резкими движениями закрывать жалюзи.

Как только жалюзи достигают подоконника и комната снова становится обычным школьным классом, я слышу свист, высокий, протяжный свист. Впрочем, это не совсем свист, а точнее, не только свист.

Аза, слышу я в свисте. Аза, ты там?

Глава 2

{АЗА}

– Тебе все это привиделось, Аза Рэй Бойл, тебе все это привиделось.

Я бормочу эти слова себе под нос.

Такого со мной еще не случалось. Похоже, у меня что-то не так с головой.

Мама сидит напротив меня по другую сторону кухонного стола. Волосы у нее пепельного цвета и собраны в хвост. Она смотрит на меня, перебирая пальцами пряди и морща лоб.

– Ты точно нормально себя чувствуешь? По тебе не скажешь. В прошлый раз галлюцинации сопровождались жаром, если помнишь.

Стоит ей только на тебя взглянуть, и все кончено. С ней притворяться бесполезно. Мама провела весь день у себя в лаборатории. Она иммунолог и частенько допоздна засиживается на работе, где проводит опыты на мышах.

Сегодня она вернулась домой относительно рано, в половине двенадцатого. В последнее время на работе ее преследуют неудачи. Моих «выходок», как она их называет, она не терпит и, когда я говорю ей, что со мной все в порядке и к врачу мне не нужно, верить мне не спешит.

– Грета, – говорю я ей, – я прекрасно себя чувствую.

– Я тебе не Грета, Аза Рэй, – говорит она мне.

– Ты же не называешь меня дочкой, тебе можно обращаться ко мне по имени.

Она принимается отмеривать дозы лекарств, а затем сует мне в рот градусник.

– Ну ладно, дочка, – говорит она с улыбкой, которую я не заслуживаю. Улыбка у моей мамы одновременно и любящая, и обжигающая.

Притвориться, что все нормально, у меня явно не выйдет.

– У тебя температура подскочила до ста двух градусов, – объявляет она. – Вот тебе и твой летающий корабль.

У меня почти всегда температура выше обычного. Я уже давно привыкла и к жару, и к липкой влажности, и к чему угодно. Мама накидывает мне на плечи одеяло, но я поскорее его сбрасываю. (Нет уж, спасибо, этот зловещий предвестник смерти мне ни к чему.) Я натягиваю свою любимую толстовку с капюшоном и миллионом карманов. Звук застегивающейся молнии совсем не наводит меня на мысли о мешках для трупов.

– Аза, успокойся, – говорит мама.

Я с недоумением смотрю на нее:

– Успокойся? Ты это серьезно?

– Успокойся, истериками делу не поможешь. А вот и таблетка.

Не успела она договорить, как таблетка уже оказалась у меня во рту. Она ухитряется скормить мне лекарство еще до того, как я начинаю соображать, в чем дело. Я чувствую себя как собака на приеме у ветеринара. В другой руке у нее стакан, и – хлоп! – я уже запиваю таблетку водой.

Грета – она такая. Действует без промедлений. Какой смысл сопротивляться?

Да и таблетки, похоже, действительно помогают.

Когда мне было два годика, врачи сказали, что в лучшем случае я доживу до шести. Когда мне стукнуло шесть, они сказали, что в лучшем случае я доживу до десяти. Когда же мне исполнилось десять, они вконец растерялись и объявили новую дату: шестнадцать лет.

И вот мой шестнадцатый день рождения уже на носу.

В связи с этим мои родные приняли особые меры на случай, если очередное обращение в больницу станет последним. Чтобы не говорить о вещах, которые никому не хочется обсуждать, мы все их записали. Мама считает, что так нам будет легче справиться с переживаниями.

К примеру, у меня есть письменное извинение от мамы за то, что как-то раз, когда мне было пять лет, она так меня отшлепала, что я начала задыхаться и хрипеть и ненадолго впала в кому. Такие вещи я всегда прощаю. Это пустяки. Но она все равно заставляет меня каждый раз брать это письмо с собой в больницу.

У мамы хранится письменное извинение от меня за все, что попадает под категорию «безжалостного сарказма». У Илай – «За излишнюю стервозность, а также за то, что постоянно обращала все родительское внимание на себя в связи с обострением смертельной болезни, но так и не умирала».

Извинение, адресованное папе, это по большей части «Список вещей, к которым я не проявляла должного интереса. Пункты 1–36».

Вот уже много лет мама совмещает основную работу с одним дополнительным проектом. Она пытается вывести супермышь, которая была бы неуязвима для содержащихся в воздухе токсинов. Прототипом для нее послужила крутая мышь

с мутацией дыхательных путей, выращенная в одной чикагской лаборатории. Идея в том, чтобы вывести мышь с мутацией, позволяющей ей закрывать ноздри и хотя бы временно снижать свою потребность в кислороде, а также противостоять опасным инфекционным заболеваниям.

Практическое применение мышь-мутант нашла бы в фармацевтике. Предполагается, что с ее помощью фармацевтические компании смогли бы разработать препарат для людей, неспособных нормально дышать обычным воздухом, то есть для таких, как я. Но есть и другие области применения, и именно благодаря им нашлись люди, готовые финансировать мамины исследования. Если вдруг такая мышь окажется в зоне поражения бомбы с нервно-паралитическим газом, она около часа сможет успешно противостоять его воздействию, а за это время газ, может быть, и рассеется. На первых порах мама любила повторять, что работает над созданием Мышей Икс, обыгрывая название серии фильмов про людей-мутантов.

Но шутка успеха не имела.

Мама не поддерживает ничего, связанного с военными действиями. Она не хотела заниматься подобным проектом, потому что, защищая одних людей (мирных жителей, детей, учителей – любого, кто оказался в зоне военных действий во время химической атаки), ее препарат обезопасил бы и других (скажем, захватчиков, которые распыляют отравляющие вещества в воздух в жилых кварталах).

Из-за этого мама постоянно испытывает внутренние противоречия. Она всего лишь хотела создать что-то наподобие лекарства от астмы, только в более глобальных масштабах – препарат, который помогал бы при любых заболеваниях дыхательных путей: при эмфиземе легких, при астме, при Азе Рэй. А вместо этого ей приходится работать на военных.

С нами за столом сидит Илай. Она подравнивает себе кончики волос ножницами, которые только что сама и заточила, укорачивая каждую прядь ровно на одну восьмую дюйма. Ее движения точны и безошибочны. Не знаю, как у нее это выходит, но когда она заканчивает, волосы получаются идеально ровными, как лист бумаги.

Мы с ней ничуть не похожи. У нее волосы светлые и гладкие, а у меня черные и спутанные, у нее глаза небесно-голубого цвета, а у меня темно-синего с золотыми и янтарными искорками, запрятавшимися где-то в глубине. Будь мы сказочными персонажами, она была бы доброй сестрой, а я злой.

– Пункт первый, – говорит Илай, не считаясь с моим более высоким статусом старшей сестры, – ты слышала гром. Вся школа слышала гром. Я сама его слышала на алгебре. Пункт второй: ты видела тучи. Как и все мы – ведь тогда была гроза. Пункт третий: тебе привиделся корабль, потому что у тебя жар и галлюцинации из-за таблеток. Не могла гроза с тобой разговаривать, – говорит она в заключение. – Да, кстати, и по громкоговорителю твое имя тоже не объявляли.

Да, я потеряла самообладание на уроке мистера Гримма. Да, устроила сцену. Да, я люблю все драматизировать, а Илай всегда на удивление спокойна, хотя в свои четырнадцать лет имеет полное право поддаваться приступам гнева и, что называется, пребывать в дурном расположении духа.

Но нет, Илай – человек невозмутимый. К примеру, когда в прошлом году у нее начались месячные, она в тот же день надела трико и отправилась на занятие по балету, и никаких казусов с ней там не приключилось.

У меня месячных пока что ни разу не было, да я и не слишком из-за этого печалюсь. Я считаю так: чем позже на меня обрушится эта напасть, тем лучше. Это все из-за того, что я слишком тощая и никак не наберу вес.

Позвольте уточнить: говоря «слишком тощая», я не имею в виду «Сексуальная Готесса, Которой Не Хватает Цветастого Платьица И Яркого Блеска Для Губ, Чтобы Все Разглядели В Ней Красавицу». Я скорее похожа на живой труп. Кожа у меня как у мертвеца, а мои приступы кашля порой выглядят довольно мерзко. Это я так, чтобы вы знали.

Я тоже не понимаю, что сегодня произошло. Папе пришлось забирать меня из кабинета директора, куда меня послали после того, как я начала кричать на уроке о правах и свободах человека и еще что-то про жалюзи. Мистер Гримм сурово посмотрел на меня и сказал, что я знаю, куда идти. Меня отправляют только в два места: либо в медпункт, либо к директору – между ними я и курсирую.

Вскоре подъехал папа, и, хотя нас обоих отчитали, он отнесся ко мне с сочувствием. Руководство школы пытается обращаться со мной так, будто я нормальный человек, а не ошибка природы. Это значит, что никакого особого отношения к себе я ожидать не должна.

Вот только особое отношение ко мне проявляется практически во всем.

К примеру, у нас в школе действует «система поддержки», подразумевающая, что за мной в любое время должен кто-то наблюдать на случай, если, идя по коридору, я вдруг рухну на пол и начну задыхаться. Я не сильно полагаюсь на эти защитные меры. Понятия не имею, кого подрядили следить за мной сегодня.

Директор, как у них здесь водится, завел нравоучительную беседу.

Директор: «Мисс Рэй, вы же знаете, что срывать уроки – нехорошо».

Меня так и подмывало спросить: «А что вы подразумеваете под словом «знаете»?

Иногда я делаю то, что делать нехорошо, прекрасно об этом зная, но меня это не останавливает. Я смогла бы себя контролировать, только если бы постоянно игнорировала сигналы, которые исходят из дальних уголков моего мозга.

В восьмом классе я как-то раз потеряла бдительность – и час спустя «Гроздья гнева» превратились в цирк со ста тридцатью четырьмя животными-оригами, включая слонов и страусов, акробатами и вагонами с действующими колесами.

В третьем классе у меня выдался особенно сложный период: аквариум, который стоял тогда у нас в кабинете, просто не давал мне покоя. Мне все время казалось, что рыбы за мной следят. А в шестом классе у нас появилась канарейка, и, клянусь, она действительно со мной разговаривала. Без слов. Она просто сидела у себя на жердочке, не сводя с меня глаз, и громко пела – настолько громко, что пришлось переселить ее в другой кабинет, потому что она всем мешала.

Птицы. Я вообще не припомню такого периода в своей жизни, в котором у меня не было бы проблем с птицами. Любая пролетающая у меня над головой птица

обязательно откроет по мне огонь. Поэтому на улице я всегда хожу в шляпе.

Итак, вернемся в кабинет директора.

Аза: «Я увидела в небе кое-что необычное».

Папа Азы: «Приношу извинения за поведение моей дочери. Ее таблетки…»

Аза (которой не нравятся намеки на галлюцинации): «Нет, вы правы. Мне стало скучно, вот я все и выдумала. Не будем больше об этом».

Директор (пристально вглядывается Азе в лицо, пытаясь понять, не издевается ли она над ним): «Хорошо, мисс Рэй, но давайте впредь без выкрутасов».

«Выкрутасы» он произносит таким тоном, будто это что-то непристойное.

Как только мне удалось выбраться из кабинета директора, я прижалась лицом к окну на лестничной площадке, пытаясь снова разглядеть увиденное мною ранее, – но там уже ничего не было. Ничего.

Сейчас вид у папы совершенно измотанный. Сегодня ужин готовил он и клянется, что его запеканка с лапшой под соусом «на скорую руку» (явно с примесью арахисовой пасты) – блюдо тайской кухни. Но в тайские блюда макароны не добавляют, равно как и вяленое мясо. Я почти уверена, что видела в запеканке кусочки вяленого мяса.

– Она правда что-то видела, – говорит он маме.

Мама награждает его укоризненным взглядом. Папе частенько приходится расплачиваться за то, что он верит во всякие вещи, не имеющие логического объяснения. Он неисправимый фантазер, а мама и Илай у нас в семье реалисты. В конце концов папа пожимает плечами и поворачивается к плите.

– Ей что-то привиделось, – говорит мама. – У нее были галлюцинации.

– У нее богатое воображение, – говорит Илай, усмехаясь тому, как звучит эта глупая фраза, которую употребляют по отношению ко мне всю мою жизнь.

– Думайте что хотите, – говорю я. – А вообще, давайте забудем эту историю.

Я уже один раз выходила на улицу, чтобы снова поглядеть на небо: на его темном фоне виднелся тонкий ломтик луны, и в нем не было абсолютно ничего необъяснимого. Небо как небо, а в нем Полярная звезда.

Я люблю небо, потому что для меня оно в чем-то рациональнее, чем сама жизнь.

Глядеть на небо вовсе не тоскливо, даже при том что картина умирающей барышни, глазеющей в небеса, неизменно наводит на мысли, что скоро она туда и отправится. У меня небо не ассоциируется с Высшей силой. В моем представлении это скопище газов и отдаленные отголоски потухших небесных тел.

Правильное название Полярной звезды – Киносура, по имени одной нимфы. Это навигационная звезда: по ее положению на небе можно определить местонахождение и курс корабля. Ученые древности считали (и здесь я снимаю шляпу перед гениальными и чудаковатыми философами семнадцатого века, одним из которых был Жак Гаффарель, ведь именно они изучали и возрождали астрологические практики давних времен. «И как только она их находит?» – спросите вы. Как-то так: однажды, погрузившись в самые недра библиотеки, я наткнулась на диаграмму звездного неба. Изображенные на ней звезды походили на полчище плодовых мух в чашке Петри. Эта диаграмма и положила начало моему Помешательству) – итак, ученые древности считали, что звездные узоры складываются в буквы и существуют целые небесные алфавиты. На небосводе зашифрованы послания, и по мере вращения Земли текст этих посланий переписывается. Получается, что небо – это одно большое, постоянно меняющееся стихотворение, а может быть, письмо, написанное одной рукой и спустя некоторое время дополненное другой. Поэтому мне хочется смотреть на небо не отрываясь, пока наконец я не смогу это письмо прочитать.

В детстве я все время порывалась улизнуть из постели, чтобы залезть на крышу и вдоволь насмотреться на звезды. Я разработала план побега через окно с последующим подъемом по водосточной трубе, но, когда я уже вытаскивала на крышу одеяло, меня застукала мама. Тут уж она сдалась и вскоре сама возглавила вылазку на крышу в четыре часа утра, прихватив на всякий случай всевозможные дыхательные аппараты. Завернувшись в стеганое одеяло, мы вместе смотрели на звезды. Мы взяли с собой термос, фонарик и атлас

созвездий. Так мы и сидели, молча разглядывая ночное небо, и время от времени мама показывала мне различные созвездия и объясняла, что они означают.

Так чего же я жалуюсь? О таких родителях, как у меня, многие только мечтают. Они без уговоров согласились установить в моей комнате лампу с дырявым абажуром, которая проецировала бы на потолок весь Млечный Путь.

Представьте, что вам видны все скрытые от наших глаз звезды. Если бы во всем мире погас свет, небо загорелось бы яркими огнями, как потолок у меня в спальне.

Сама я не умею ориентироваться по звездам, но читала про одну экспедицию, которая пересекла целый океан, от Южной Америки до Полинезии, на маленьком самодельном плоту. Плот назвался «Кон-Тики», а плыл на нем норвежский исследователь Тур, которого, по всей видимости, назвали в честь бога грома Тора.

Хотела бы я, чтобы меня звали Тор – мне нравится, что это имя такое воинственное. Но нет, меня назвали Азой. В честь кого? Да никого.

Свое имя я ношу даже не с рождения. Азой Рэй меня назвали, когда начались проблемы с дыханием, а до этого я была Хейуорд. (Так звали одного нашего двоюродного дедушку. Имя другого двоюродного дедушки досталось моей сестре. Не знаю, все ли у наших родителей в порядке с головой: разве нельзя было назвать дочерей в честь двоюродных бабушек?)

В официальных документах я все еще значусь как Хейуорд – только Никому Ни Слова.

Мама: «В тот день, когда ты чуть не погибла, мы поняли: ты Аза. Тебе суждено было получить имя в честь всего буквенного ряда: от A до Z. Оно идеально тебе подходит».

Папа: «Нас вдруг озарило. Все произошло как будто под действием духовных сил. И мы подумали: ну как тут можно сопротивляться?»

Между тем это имя только прибавило мне ненормальности. В начальной школе меня некоторое время называли Авой, потому что одна учительница перепутала мое имя, а я решила ее не поправлять. Тайное стало явным только на родительском собрании.

Аза. Годами я сокрушалась, что меня не назвали, например, kuulilennuteetunneliluuk. В переводе с эстонского это часть ствола, через которую проносится пуля, чтобы тебя убить.

Раз уж решили дать ребенку имя-палиндром, могли бы придумать что-нибудь по-настоящему классное. Разве я не права?

Вместо этого мне приходится быть буквенным рядом. Я алфавит. Если вы интересуетесь всем необычным и знакомы с историей алфавита, то, возможно, догадаетесь, что в мое имя можно вставить и немой &. Раньше амперсанд был двадцать седьмой буквой английского алфавита, и его концовка произносилась так: X, Y, Z, &. Мое имя закольцовывает алфавит, а значит, между Z и второй A можно вставить &, и получится Az(&)a.

Я очень довольна, что мое имя содержит амперсанд. Знак & – это графическое сокращение латинского союза et, что в переводе значит «и», образованное путем слияния букв e и t. Сокращение E.T., в свою очередь, расшифровывается как extraterrestrial, то есть «внеземной». Получается, что у меня в имени прячется инопланетянин.

Мы с Джейсоном обнаружили все это лет пять назад и некоторое время были целиком поглощены моим внутренним E.T.

Разве кого-то это открытие могло бы оставить равнодушным? Вспоминается Спилберг с его инопланетянином, который все хотел позвонить домой.

Теперь видите? Все, что во мне есть чудного, я стараюсь представить в выигрышном свете. Правда же, это похвально? От таких размышлений иногда мне становится немного лучше. А иногда не становится.

Вот сегодня, к примеру, все плохо.

Из груди у меня снова доносятся хрипы, а я стараюсь делать вид, что их там нет. Но в голову лезут мысли, что, возможноскореевсегосовершенноточно, это снова были галлюцинации, ведь на мне тестируют каждое новое лекарство, какое только изобретает фармацевтика, и мне вдруг становится так тоскливо, что, не успев опомниться, я уже давлюсь от рыданий и кашля за кухонным столом в окружении всех членов своей семьи.

Они отправляют меня в душ, где я сижу в клубах пара, голая и озлобленная, стараясь забыть и летающий корабль, и слова, которые мне прокричали с неба, и вообще все на свете, включая шестнадцатые дни рождения, родителей и печаль.

– Малышка, ты у нас просто особенная, – говорит мама, закрывая дверь в мою комнату. – Мы с тобой, ты не одна. Мы тебя любим.

– А что, если я умру? – спрашиваю я, поддавшись слабости. – Вы все равно будете любить меня?

Мама стоит в дверях. Она пытается успокоиться, чтобы ответить мне ровным голосом. Я вижу, как сильно она хочет сказать: «Ты не умрешь» – но она не позволяет себе этого, ведь в этих словах нет ни капли правды.

Мама понимает, как трудно мне жить в этом дурацком поломанном теле, таком хрупком и недолговечном. И хотя пальцами она крепко сжимает дверной косяк, выражение ее лица успокаивает. Справившись с комком в горле, она улыбается и отвечает:

– Даже если умрешь. Конечно. Мы будем любить тебя вечно, до скончания времен.

Поддавшись унынию, я хочу ответить ей: «Нет, не будете. Рано или поздно об умерших все забывают. Это неизбежно. Время идет. Ничто не может быть настолько важным, чтобы помнить о нем вечно». Но я не говорю этого вслух.

Мама уходит, тихо закрыв за собой дверь.

Она думает, я легла спать и не слышу, как она целый час плачет в коридоре после нашего разговора.

Она думает, я не слышу, как она заводит машину и едет обратно в лабораторию. Не зная, как мне помочь, она может только продолжать свои медленно текущие исследования в попытке изобрести лекарство от болезни, которую никто не может понять.

Было бы здорово, если бы родителям не приходилось постоянно думать обо мне и моих проблемах. Я представляю маму с папой на отдыхе: они лежат на пляже и пьют коктейли с зонтиками, прямо как в рекламе.

На самом деле мы никогда не ездили на пляж. Они никогда не ездили отдыхать вдвоем. Причина одна: я.

И вот я подумываю о том, чтобы поймать машину – или даже угнать – и уехать в какой-нибудь другой город. Я вроде как умею водить. Три месяца назад родители меня научили: папа сидел спереди рядом со мной, а мама сзади, и оба они клялись, что полностью мне доверяют, даже после того, как я врезалась в мусорные баки у нашего дома.

Мама: «Не волнуйся. На скорости две мили в час еще никто не умирал».

Папа: «Ну, разве что только улитки?»

Мама: «И лемуры».

Папа: «И землеройки. Нет, постойте-ка, с какой скоростью они передвигаются?»

Мама: «Вообще-то землеройки двигаются невероятно быстро. Они хищники. Они делают десятисекундные перерывы на сон, а остальное время охотятся. Ты проиграл».

Папа (с улыбкой): «Ты выиграла».

Я: «Эм… так мне заводить машину?»

Права я так и не получила, но на большой скорости ездить умею, потому что родители меня и этому научили – глубокой ночью на шоссе подальше от города. Я тогда сильно-сильно разогналась.

Если бы у меня получилось очень быстро доехать до другого города, я смогла бы умереть там. В номере какого-нибудь отеля. Так я избавила бы близких мне людей от необходимости наблюдать, как я умираю.

Потом я думаю об Илай. Подобную выходку она не переживет.

И всю ночь напролет я думаю о том, что услышала: это был не английский язык и даже не язык вовсе, но звучал он знакомо. Каким-то удивительным образом я поняла его нутром. Мне казалось, что я вдруг стала колокольчиком и в меня звонят.

Глава 3

{АЗА}

Я просыпаюсь в половине пятого, вся в поту и до смерти перепуганная. Меня мучает кашель, в груди бешено стучит сердце, а кожа как будто вот-вот лопнет. Шатаясь, я бреду в ванную, чтобы посмотреться в зеркало. Выгляжу я как обычно, разве что лицо исказила боль.

Я засыпаю, и до самого утра мне снятся странные лица и перья, я задыхаюсь, у меня возникает ощущение, будто мне закрыли рот и нос, будто что-то попало мне в легкие. Когда я снова просыпаюсь, на часах уже семь. Восходит солнце. Я захлебываюсь кашлем, но стараюсь себя успокоить.

В собственной коже мне тесно, как будто она слишком туго натянута на кости и сейчас порвется. Во рту тоже какое-то странное ощущение, а кашель стал намного хуже, чем вчера.

Школа отменяется. Вместо этого меня везут в больницу, где я надеваю свой собственный белый халат без спинки, на котором вышито мое имя, – мелочь, а приятно – и свои собственные тапочки. Я люблю обыгрывать подобные ситуации в воображении. В больнице я чаще всего представляю себя гостьей на черно-белом балу Трумена Капоте. На мне белоснежное шелковое платье с нижней юбкой и открытой спиной и, может быть, еще элегантная вуаль, сотканная из

души Одри Хепберн. Вот только сомневаюсь, что на этой гламурной вечеринке гости сверкали ягодицами. Ничто не сравнится с тем чувством, которое испытываешь, садясь попой на холодный смотровой стол.

Впрочем, это детская больница, так что тут встречаются случаи и похуже моего. Мне случалось наблюдать, как вокруг коек быстро задергивают занавески, и слушать доносящиеся из-за них рыдания родителей. Мне доводилось видеть и сотрудников благотворительного фонда исполнения желаний, которые шатались по больничным коридорам в пестрых костюмах, ожидая, когда их позовут к пациентам, и больных детей, которые выглядели такими счастливыми, будто с приходом клоуна весь мир перевернулся и, когда они уже отчаялись, дал им все, чего они только могли пожелать.

Как показывает практика, больше всего на свете больные дети хотят создать видимость, что они такие же, как все. Как-то раз в больницу приехал один вечно лохматый певец в красных кожаных штанах, на котором повернуты все современные подростки. Я видела, как он направлялся в одну из палат, чтобы исполнить чье-то желание. Спустя некоторое время он вышел оттуда в состоянии когнитивного диссонанса.

Классическая ошибка: он, понимаете ли, притащился сюда в полной уверенности, что сотворит чудо, и слепые тотчас прозреют, а мертвые воскреснут, – но жизнь устроена иначе. Знаменитости, что бы они там себе ни думали, не обладают волшебной силой.

Из-за угла выбегает малыш. Он абсолютно лысый и пищит, как большой голодный птенец. К счастью, он гонится за клоунессой, а не удирает от доктора, хотя такие душераздирающие сцены здесь тоже случаются.

Клоунесса останавливается в дверях кабинета и принимается жонглировать разноцветными помпонами, пытаясь меня развеселить. Трехлетний пациент восторженно хлопает в ладоши и радостно смотрит на меня своими огромными глазищами. Хоть я сегодня и не в духе, но при виде этой парочки не могу сдержать улыбки.

Несмотря на то, что я поставила себе за правило никогда не брататься с другими несчастными потерпевшими, к приходу врача малыш уже сидит у меня на коленях, а клоунесса попеременно пускает мыльные пузыри и играет «Где-то

над радугой» на губной гармошке. Мне приходится слушать эту песню из года в год, хотя, на мой взгляд, это не лучший выбор для детской больницы. Вряд ли пациентам будет приятно воображать, что после смерти их забросит за радугу, где синяя птица подвесит их за лодыжки над бездной.

Ну ладно, это еще не худший вариант. Да и малыш с довольным видом слушает и подпевает. И вообще, у нас обоих все могло сложиться гораздо хуже. А так мы ходим, разговариваем и кашляем, почти как нормальные люди.

Когда в кабинет заходит доктор Сидху, клоунесса уносит малыша в лабиринт больничных коридоров. Доктор принимается простукивать мою грудную клетку и слушать легкие, как будто она любопытная соседка, которая шпионит за жильцами квартиры напротив.

Вот только доктор Сидху не обычная соседка, она умеет смотреть сквозь стены. Выражение лица у нее остается неизменным, но как раз по этой самой неизменности я понимаю: что-то не так.

– Надо же, – говорит она.

– Что «надо же»?

Доктора Сидху я знаю с малых лет, и она никогда не говорит «надо же». К тому же со всеми странными особенностями моего тела, в котором даже органы расположены не там, где нужно, она уже давно знакома.

По одной версии врачей, у меня еще во младенчестве все органы в грудной полости стали смещаться и из-за этого я практически не могла самостоятельно дышать. Одно легкое у меня сильно наклонено к центру грудной клетки, а ребра гораздо гибче, чем у нормального человека.

Из-за Клайва-Подонка грудь у меня плоская, ребра выпирают, а легкие перекошены – в остальном же я просто богиня.

– Какой-то необычный звук. Помолчи.

Мне совсем не хочется молчать, но доктор Сидху строго смотрит на меня, и я повинуюсь. Постоянная болтовня во время приема только выводит ее из себя. Она замахивается стетоскопом, словно это лассо, и начинает слушать мое сердце. (Сердце у меня тоже заметно смещено, и ему всегда не хватало места. Мы уже свыклись с этим проклятьем, но да благословит Господь того отважного доктора, который примется слушать мое сердце в том месте, где его нет. Некоторые уже пробовали – я специально их не предупреждала, чтобы посмотреть, какие у них будут лица, когда они с перепугу решат, что этого важного органа у меня вообще нет.) Доктор Сидху ведет меня на рентген, а потом ненадолго исчезает, чтобы изучить снимок.

– МРТ, – говорит она, вернувшись.

Шикарно. За дверью папа, наверное, весь съежился от страха.

– Все нормально, – говорю я ему, когда меня привозят в комнату ожидания в инвалидном кресле (таковы правила больницы). Меня загружают в тоннель томографа, предварительно снабдив затычками для ушей, но они не могут полностью заглушить хлопки, щелканье, шипение и трели, которые издает аппарат, пока сканирует мои внутренности.

Иногда во время МРТ я представляю, что я кит, который плавает на большой глубине, слушая песни и перезвон своей китовой семьи. Сегодня в шуме МРТ мне слышится только одно: Аза, Аза Рэй.

Этот призыв доносится откуда-то извне. Или изнутри? Как же это невыносимо!

– Задержи дыхание – говорит оператор МРТ. – Постарайся не кашлять.

Я стараюсь не кашлять. Я представляю, что я уже не кит, а гигантский кальмар. Мигает свет, все свистит, хлопает и гудит, отчего у меня появляется чувство, что я должна уловить в этом шуме какой-то звук. Я где-то читала, что глубоководных животных, пользующихся эхолокацией, иногда сбивают доносящиеся с суши звуки. Поэтому так много китов выбрасывается на берег. А еще где-то я читала о звуковом хаосе, о том, что антропогенные шумы нарушают гармонию природы, и теперь из-за атональности окружающей среды люди начинают сходить с ума. Может быть, я и так уже спятила.

Аза, выйди на улицу.

Я нажимаю на кнопку вызова.

– Вы это слышали?

– Что? Ты про отвратительный шум? Ты же знаешь, какие тут звуки, лапочка, ты тут уже тысячу раз была, – говорит Тодд, приветливый оператор МРТ-сканера.

Тодд всегда дает мне дополнительную грелку, перед тем как поместить меня в томограф. Он подрабатывает в клинике лазерной эпиляции, где ему приходится сражаться с волосяными фолликулами, – за это я его и люблю. У него в запасе много занимательных историй об удалении нежелательных усиков с женских лиц. В клинике лазерной эпиляции все пациенты безумно благодарные. Здесь же пациенты постоянно ворчат. МРТ никому особого удовольствия не доставляет, и к тому же здесь все больны. – Почти закончили. У тебя там все нормально?

Оказывается, у меня все совсем не нормально, потому что стоит мне только сказать «да», как снова раздается тот самый свист:

Азапослушайпослушайазаазазазапослушайвыйдинаулицу.

Я стискиваю зубы, сдерживаю кашель и беру себя в руки. Это дается мне нелегко.

Когда я вылезаю из аппарата, все смотрят на меня с недоумением и на лицах у них написано: «Какого черта?» Так обычно не встречают человека, который только что сделал МРТ. Со вздохом Тодд похлопывает меня по плечу.

– Никому не говори, что я тебе это сказал, но, по сути, у тебя в левом легком перо.

– У меня выросло перо?

Разумеется, у меня не могло вырасти перо. Но это первое, что приходит мне в голову.

– Мы думаем, что ты вдохнула перо, – уточняет Тодд. – Это объяснило бы кашель.

Сомневаюсь. Такие вещи обычно замечаешь. Допустим, ты делаешь глоток воздуха и вместе с ним вдыхаешь перо, причем такое крупное, что его видно на снимке. Ты не можешь, ты просто НЕ МОЖЕШЬ этого не заметить.

Поддавшись моим уговорам, операторы показывают мне томограмму. Все верно: на снимке перо размером с мой мизинец. Оно, должно быть, выпало из подушки – другого объяснения быть не может – вот только перьевые подушки у меня в комнате не водятся. У того, кто положил ее мне в постель, будут большие неприятности. (Это могла быть только Илай. Мы с папой потрясены.)

Я не думаю о голосах, которые мне слышатся.

Я не думаю о небе.

Я не думаю о том, что все происходящие со мной события предвещают скорый конец света. Страх перед концом света, как мы знаем, говорит о нарушении работы головного мозга, а мозг всегда был единственным моим исправным органом.

– Вы уже нашли какое-то объяснение? – спрашивает папа, но у операторов нет ответа.

– Доктор Сидху вызовет тебя для дальнейшего обследования, – говорит Тодд. – Я серьезно: не говори ей, что видела снимок.

Конечно, снимки мне показывают уже не первый год – и не только снимки, а вообще все, что бы я ни попросила. Так бывает, когда ты пациент по жизни. Опыт анализа МРТ-снимков у меня даже больше, чем у Тодда. Но как бы то ни было, а вся эта история с пером приводит меня в неописуемый ужас.

Я вижу, что Тодд тоже волнуется. Он тихонько что-то насвистывает, но вместо того, чтобы успокоить, наоборот, только вселяет в меня панику.

В его свисте, конечно, не кроется никаких слов или посланий.

Конечно, нет. Вот только я теперь слышу слова в каждом свисте. Каждый звук для меня наполнен смыслом: скрип пола под ногами, протяжный стон дверей.

Я забираю одежду и металлические предметы и начинаю одеваться. Серьги, цепочка, лифчик, в котором нет нужды.

Аза, выходи на улицу.

Эти слова я слышу вперемежку с птичьим пением.

Я твержу себе, что все это никак не связано с моими страхами, с моими кошмарами и опасениями.

Все это ничего не значит.

Вообще ничего.

Глава 4

{АЗА}

Как ни удивительно, в больнице меня не оставили. Но зато завтра мне в трахею засунут маленький пинцет. Ничего, бывало и хуже. По крайней мере, это не полноценная хирургическая операция. Я стараюсь не думать обо всем, что меня так пугает: вместо привычной процедуры взятия мазка из меня будут доставать перо, все идет наперекосяк, а день рождения уже через пять дней.

Я не думаю о том месте в грудной клетке, где у меня сходятся ребра, или о том, что мои ребра похожи на двустворчатые двери, ведущие в чей-то неухоженный сад, полный ядовитых растений.

В любом случае грудную клетку мне никто вскрывать не собирается. Но что-то подсказывает мне, что дело не только в легких. По ребрам что-то стучит, как будто у меня в груди поселилась птица. Там ничего нет, уверяю я себя, пока мы с

папой шагаем по парковке.

Небо затянуто грозовыми тучами, на которые я нарочно отказываюсь смотреть. У меня нет ни малейшего желания снова видеть летающие корабли. Именно с них начались мои злоключения, а я хочу, чтобы все встало на свои места. Несмотря на то что на мне несколько слоев одежды, я ежусь от холода.

– Ладно, Аза, давай начистоту, – говорит папа. – Я ругаться не буду, ты же знаешь. Признавайся, ты курила?

Я сердито смотрю на него.

– Это тебе не шутки, Генри. Будь, пожалуйста, посерьезнее.

– Вот как? Значит, я теперь Генри? Нет уж, спасибо, «папа» мне больше нравится. Что ты курила? Сигареты? Марихуану? Кальян?

Кальян. Он на полном серьезе спрашивает про кальян. Где, по его мнению, мы находимся? Конечно, есть люди, которые курят кальян. Я сама видела кальянные недалеко от университетского кампуса и курильщиков, сидевших в них с таким видом, будто их укачало. И все же в моем представлении кальян могут курить только персонажи «Тысячи и одной ночи».

– Даже если бы мне очень захотелось покурить кальян, где мне взять тысячу и одну ночь? Столько я точно не протяну. Но мне и не хочется, потому что кальян полагается курить только в сказках, и вообще, это совершенно не мое, – говорю я ему.

– Еще как протянешь, – с уверенностью говорит он. – У тебя есть две тысячи и одна ночь. У тебя есть три тысячи и одна ночь. У тебя есть тридцать тысяч и одна ночь.

Он улыбается, словно в его словах есть правда.

Когда мне было десять, папа повел меня к соседу на батут. Мы прыгали долго-долго. Подобные развлечения были строжайше запрещены, но папу это не остановило. Мы прыгали и прыгали, вопреки предписаниям врача и маминым

правилам, а потом он спустил меня на землю и сделал самое настоящее сальто назад. Когда он раскланивался, у него был такой вид, будто он потянул мышцу, но с его лица не сходила широченная улыбка.

– Ну что же, – сказал он тогда. – Так выглядит человек, которому не следовало делать сальто назад, только что сделавший сальто назад. Надеюсь, зрелище впечатляющее.

– Ты не переживай насчет этого пера, – говорит он теперь. – Я же вижу, что ты переживаешь. Мы справимся. Я знаю пару приемчиков из восточных единоборств, так что, если вдруг к тебе в комнату залетит Большая Птица, я ей так накостыляю, что мало не покажется.

Как ни странно, несмотря на мою уверенность, что жить мне осталось недолго, его слова меня успокаивают. Мой папа готов объявить войну такому фундаментальному институту, как «Улица Сезам», а это чего-то да стоит.

– Даже если она выкинет что-нибудь в стиле Хичкока? – говорю я.

Какое-то время мы молча едем в машине, воображая, что получится, если соединить «Птиц» Хичкока с «Улицей Сезам». Только представьте себе: все небо заполонили огромные желтые птицы с неестественно длинными лапами, которые кружат над городом и нападают на прохожих. Сначала эта сцена вызывает лишь смех, но потом начинает внушать опасения.

– Мне все равно. Ради тебя я готов сразиться с кем угодно, – говорит папа. – Я их ощиплю так, что мать родная не узнает.

К тому времени, как мы подъезжаем к дому, я уже едва сдерживаю смех.

На крыльце нашего дома сидит Джейсон Кервин. Сейчас только два, а значит, Джейсону положено находиться совсем в другом месте – в школе. Папа вздыхает: видимо, он пришел к такому же выводу.

– Позвонить в школу, чтобы тебя освободили от занятий? – спрашивает папа.

– За кого вы меня принимаете? – говорит Джейсон. – Я уже все уладил. В школе думают, что я у стоматолога. Плановая чистка зубов с последующей срочной операцией на деснах, после которой потребуется несколько дней на восстановление. – Он переводит взгляд на меня. – Так что завтра я еду с тобой в больницу.

Остается только догадываться, как он прознал, что завтра я туда поеду.

Джейсон давно занимается сбором информации, а еще он предприниматель. Он запатентовал уже три своих изобретения, включая спрей для моментальной сухой чистки одежды. Он продается в малюсеньких баллончиках размером с батарейку, которые можно носить на кольце для ключей. Джейсон придумал его специально для подростков, которые не хотят, чтобы родители узнали, что они курят. Сам Джейсон не курит – когда твоя лучшая подруга страдает от смертельно опасной болезни легких, названной в ее честь, вопрос о курении отпадает автоматически. Однако же он понял, что на такой продукт будет хороший спрос.

Свой второй патент он получил на маленькое пластиковое приспособление для застилания кровати в гостиничных номерах – или больничных палатах – где используются простыни с резинками по краям. Такая штуковина, с виду напоминающая ложку для обуви, позволяет заправить постель в два раза быстрее. Их производят на небольшой фабрике в Нью-Дели, которая носит название «Кервин Фэктори». Джейсон управляет всем этим со своего мобильного телефона. У нас не раз возникали споры о машинном производстве и политике в области аутсорсинга, но он так и остался при своем мнении. Все дело в его параноидальном стремлении к порядку во всем. Мое идеалистичное видение изготовленных вручную деревянных изделий не выдержало сравнения с его отточенной фабричной системой. Как и у всех нас, у Джейсона есть свои недостатки. Некоторые вещи он делает по принципу «хочу, и все тут», пуская в ход любые средства.

Учеба для него – пустая трата времени. На каждом экзамене он едва дотягивает до проходного балла – как он говорит, из принципа. Он планирует окончить школу худшим учеником в потоке, а потом завоевать мир. Что же, его будущим биографам это, пожалуй, только на руку.

Его способность доводить учителей до отчаяния поистине легендарна. Вместо того чтобы усердно заниматься и раскрывать свой колоссальный потенциал, он

просто смотрит на тебя без каких-либо эмоций, а потом берет и отправляет в нокаут.

– У тебя перо в легком? – говорит он. – Ты что, правда вдохнула перо? Решила поиграть в Икара?

Когда нам было по десять лет, я действительно загорелась идеей повторить его полет. Джейсон изучил чертежи Леонардо да Винчи и сконструировал по ним крылья. Но оказалось, что ренессансные крылья из брезента и бальзового дерева на прыжки с крыши гаража не рассчитаны. Джейсон сломал руку, а я – ногу. На этом наши попытки научиться летать благополучно закончились, но наши родители даже обрадовались, что мы хотя бы раз в жизни повели себя, почти как нормальные дети. Впоследствии они рассказывали эту историю годами, с надеждой в голосе и как бы говоря: «Ох уж эти детки, чего они только не вытворяют». При этом про остальные, еще более сумасшедшие наши выходки они старались не упоминать.

В одиннадцать лет Джейсон угнал у своей мамы машину, и мы проделали путь в триста миль, чтобы купить перья правильного окраса для чучела грифона. Расплатившись с продавцом, который оказался на редкость странным типом, мы выехали на шоссе и спокойно вернулись домой, где на въезде в гараж нас поджидала мама Джейсона, Ева. Багажник «Понтиака» был забит тушками индеек и попавших под колеса машин рысей на подушке изо льда. Вдобавок там можно было найти коллекцию когтей стервятников, груду тюбиков суперклея и большой запас стеклянных глазных яблок. Когда мы открыли багажник, Ева, надо отдать ей должное, пришла в полнейший восторг, потому что она из тех людей, кому ничего не стоит взять и сделать чучело грифона, но все же ей пришлось изображать родительское недовольство. Кэрол, вторая мама Джейсона, провела следующие четыре дня в постели.

Обычными вещами мы с Джейсоном тоже занимались: обдирали коленки, ловили насекомых. Но вспоминают почему-то всегда именно историю с грифоном.

Все давно поняли, что Джейсону суждено стать либо великим преступником, либо агентом ЦРУ, но на какую из этих профессий падет его выбор, так никто и не знает. Можно подумать, это такие уж разные вещи.

– Чего-чего? – говорю я. – Твое мнение об этой ситуации с перьями никто не спрашивает.

Я сажусь рядом с ним на покрытые инеем ступеньки. Со вздохом папа снимает куртку, накидывает ее поверх моей и застегивает на пуговицу.

– Пять минут, – говорит он. – Потом я за тобой приду.

– Тут тоже есть перья, смотри не вдохни их, – говорит Джейсон, кивая на куртку, хотя, конечно же, там внутри не перья, а поливолокно. Папа заходит в дом, а мы некоторое время молча сидим на крыльце, вот только сегодня дела мои идут так отвратительно, что даже от этого мне становится неуютно.

– Повысилась вероятность одного события, – неуверенно начинаю я.

– Какого?

– Ты знаешь какого. Оно скоро произойдет. Совсем скоро.

– Ты уже который год умираешь, – говорит Джейсон. Как обычно, вопреки моим правилам, он называет вещи своими именами. – Они ошибаются, если думают, что ситуация ухудшается. Ты выглядишь хорошо.

Он смотрит на меня.

– С поправкой на то, что это ты, конечно.

Судя по выражению его лица, я вовсе не выгляжу хорошо. Судя по тому, что он вдруг снимает свой шарф и завязывает его у меня на шее, я вовсе не выгляжу хорошо. Обычно Джейсон ведет себя спокойно, хотя на самом деле волнуется обо всем на свете и ежеминутно производит у себя в голове различные расчеты.

– Ты как? – спрашиваю я. – Ты сегодня какой-то странный.

– Хорошо, – отвечает он, начиная говорить все быстрее. – В смысле, у меня-то все нормально, нам тут не обо мне надо беспокоиться, естественно. В общем, не надо обо мне беспокоиться.

Такое поведение не предвещает ничего хорошего.

– Ты таблетки пил?

– Перестань, – говорит он. – Конечно, пил.

Не очень-то я ему верю, но в то же время чувствую укол совести. Это я виновата в том, что Джейсон так разволновался.

Папа заставляет нас зайти внутрь и, проводив в кухню, оставляет наедине. Джейсон принимается с невероятной скоростью готовить что-то мучное, а я наблюдаю за ним со спины. Он засучивает рукава и повязывает папин фартук. Волосы у него такого же цвета, как шоколад, который он растапливает на плите. Сзади на шее виднеются веснушки, их ровно пять. Его самая отличительная черта – глубокая складка между бровями, которая появилась у него в девять лет, когда он вдруг осознал, что мы все-таки не бессмертны.

Не знаю, как девятилетний вундеркинд мог думать, что мы будем жить вечно. Он долгое время работал над каким-то химическим соединением, связанным с черепахами и морскими звездами, и вплоть до момента, когда оно взорвалось у него в гараже, думал, что сделает огромный Прорыв в науке. По-моему, он хотел вырастить для меня новые легкие, но он так и не сознался в этом.

Джейсон выглядит как человек из закрытого города, полностью отрезанного от внешнего мира. На прошлой неделе он пришел в школу в майке от старой пижамы со «Звездными войнами» и пиджаке от костюма своего дедушки. Из пижамы он давно вырос: рукава заканчивались немного ниже локтя, а спереди она туго обтягивала торс. Но ему было наплевать. Девчонки весь день на него пялились, но не с ужасом, как можно было бы предположить, а скорее с восхищением.

Бывает, что у плоской девочки за лето вырастает пышная грудь – вот и с ним произошло то же самое. Не буквально то же самое, конечно, но нечто подобное. Он вдруг за ночь превратился в симпатичного парня.

Впрочем, Джейсона нисколько не заботили глазевшие на него одноклассницы. Он натурал, но ему безразлично, знают об этом окружающие или нет. У него две

мамы. Как-то раз, когда один парень сказал про них что-то нелестное, Джейсон залепил кулаком ему в глаз, чем изрядно удивил всех присутствующих, включая себя самого. Джейсон вообще-то не из тех, кто любит помахать кулаками.

Бывает, на Джейсона находит особое настроение, и тогда он принимается печь шоколадные эклеры. Сегодня как раз такой день. Если бы я и так не переживала, этот симптом меня бы точно встревожил. Шоколадные эклеры у нас принято печь на день рождения. Раз он решил приготовить их раньше, значит, я действительно паршиво выгляжу.

Пожалуй, в зеркало смотреться я не стану.

– Я же все-таки дома, – говорю я. – Будь у них серьезные опасения, они бы оставили меня в больнице.

Джейсон глядит на меня своими карими глазами, не говоря ни слова. Этим взглядом он сообщает мне, что плевать ему на мои слова и его уже ничто не может удивить. И ему бы удалось меня провести, если бы он не хмурился сильнее обычного и не работал так быстро венчиком.

То ли из-за этой его угрюмости, то ли из-за того, что мне тревожно, я рассказываю ему все: про свист, про корабль. Про то, как он просто выплыл из-за туч. Про то, как он за мной охотился.

Охотился?

Не знаю почему, но мне показалось, что корабль за мной именно охотился. Я рассказываю ему, как странно повел себя мистер Гримм, хотя, может быть, это я вела себя странно. В какой-то момент я даже подумала, что мистер Гримм тоже заметил корабль, но притворился, что ничего не видел.

Джейсон ставит тесто в духовку, несколько секунд взбивает начинку для эклеров, а затем начинает раздумывать над моими словами с таким видом, будто листает бумаги у себя в голове.

– Образование облаков в форме корабля. Это самое простое объяснение.

Я начинаю возмущаться.

– Дослушай до конца, – говорит он. – Люди часто видят явления, которые не могут объяснить. Зеленые лучи, например, всегда вызывают панику, потому что люди боятся, как бы их не забрал НЛО.

Я поднимаю руку.

– Половины оптических эффектов люди просто не понимают, – продолжает он, не обращая на меня внимания. – Существует целая категория миражей летающих кораблей. Некоторые считают, что «Титаник» потонул из-за того, что мираж сделал айсберг невидимым.

Пока он говорит, я провожу собственное маленькое исследование с телефоном в руках. Этот парень просто ходячая Википедия, только ему даже доступ к интернету не требуется. Он стоит себе посреди кухни и, продолжая взбивать крем, небрежно закидывает меня фактами.

Но я видела совершенно не то, что он описывает. Мне хочется огрызнуться. Он должен мне верить, он ведь всегда мне верит. Я привыкла полагаться на него как на главного пособника своего Богатого Воображения.

– Что, проверяешь все в интернете? Разозлилась из-за того, что я не готов поверить тебе на слово? А есть еще блуждающие огоньки, – говорит он и с усмешкой поворачивается ко мне лицом. Как же он меня раздражает!

– НЛО, черные вертолеты, фантомные дирижабли и все в том же духе.

Затем он говорит еще одно слово, от которого я будто прирастаю к полу.

– Магония.

Глава 5

{АЗА}

– Магония? – удивленно повторяю я.

Это слово звучит знакомо. Я пытаюсь обратить все в шутку.

– Это что, болезнь такая? Или архитектурный стиль? Или ядовитое растение? Если болезнь, то лучше мне не знать. Сразу тебя предупреждаю, мне сейчас не до лекций по медицине.

– Да речь не о болезнях. Мы разговаривали о миражах. Загляни в «Анналы Ульстера», – говорит Джейсон со своим фирменным Страдальческим Вздохом.

– Что за Ульстер? Это улей с лобстерами, что ли? Звучит как что-то из животного мира.

Я начинаю нести всякий вздор, а между тем это слово не дает мне покоя. У меня возникает такое чувство, будто нужное воспоминание притаилось в самом укромном уголке моего сознания. Наверное, я где-то его прочитала. Все, что я знаю, я когда-то где-то прочитала.

Джейсон снова вздыхает.

– Только не говори мне, что не читала «Анналов Ульстера».

– Читала, – говорю я. Может быть, я и правда читала их, а потом забыла. Я фальшиво закашливаюсь. Нет смысла даже пытаться врать Джейсону, он все равно меня раскусит.

Когда ты ежедневно видишься с человеком с пяти лет, он и так знает, какие книги ты читала, а какие нет. А еще он в два счета догадается, что ты пытаешься быстро найти в интернете краткое содержание, убрав руки с телефоном под стол.

В Википедии написано, что «Анналы Ульстера» – это ирландские хроники.

– Да их никто не читает. Но сегодня я изучил нужные нам разделы. Массовые галлюцинации – звучит знакомо? Нет?

Нет. Он переключается в свой излюбленный режим и начинает говорить короткими, отрывочными фразами, как робот.

– Суть в следующем. Это не из «Анналов», но тоже с ними связано. Восемьсот тридцатый год нашей эры. Франция. – Он размашистым жестом вырисовывает время и место в воздухе, снабжая свой документальный фильм субтитрами. – Архиепископ Лиона пишет, что у них в городе появилось четверо помешанных – трое мужчин и женщина, – которые утверждают, что упали с неба. С кораблей. С летающих. Кораблей. Понимаешь, к чему я клоню?

Понимаю. Я не подаю вида, что его рассказ меня сильно заинтересовал, но на самом деле я вся обратилась в слух.

– Архиепископ отправляется на общественное собрание и видит, что этих четверых заковали в колодки…

Тут я его перебиваю:

– Глазам своим не верю: ты только что изобразил универсальный жест «заковать в колодки»? Такого жеста даже не существует, и, как бы ты ни старался, тебе не ввести его в обиход.

Слегка покраснев, он прекращает изображать закованного в колодки мученика и опускает руки, в которых все это время удерживал миску с кремом.

– …и все кругом обвиняют их в том, что они воруют урожай. Эти идиоты действительно сказали горожанам, что спускаются с неба на баркасах и обчищают поля. А те им поверили, потому что у них и так проблемы с урожаем, чего им терять-то?

Хаотичность изложения Джейсона Кервина мне уже порядком поднадоела. Его сверхчеловеческая память совершенно обескураживает, но Джейсона это совсем не волнует.

– МАГОНИЯ, говорят они все. Мы свалились с Магонии. И тут весь город охватывает паника.

Джейсон начинает так усердно взбивать крем, что брызги попадают на холодильник.

– А что потом? – спрашиваю я.

– Ну, не помню, что в итоге стало с магонцами: их то ли повесили за колдовство, то ли изгнали из города – в общем, наверняка им пришлось несладко, ведь они, считай, сами заявили, что прилетели с небес и хотят вернуться обратно, прихватив с собой все награбленное зерно.

– Джейсон, – говорю я наконец, – ты Отклоняешься От Темы.

– Я только хочу сказать, что если у тебя галлюцинации, то это галлюцинации в славной старой традиции, – говорит он. – С качеством материала тебя можно только поздравить. Хочешь, расскажу еще что-нибудь про Магонию?

– Нет, спасибо, – говорю я. – Я хочу шоколада.

Поверить не могу, что ничего не знала о Магонии. Я, наоборот, должна была все о ней знать – как раз такие истории я и люблю.

– Maganwetar. Что в переводе с древневерхненемецкого означает «вихрь».

– Джейсон, – говорю я.

– Не волнуйся, я не владею древневерхненемецким, – говорит он.

– Вот и хорошо, – отвечаю я. – Если бы ты его без меня выучил, это было бы уж совсем нечестно.

Его ничем не пристыдишь.

– Некоторые считают, что название «Магония» произошло именно от этого слова. Если ты из Магонии, значит, ты живешь в вихре. Так полагал Якоб Гримм – тот самый парень, который писал волшебные сказки. Еще он допускал, что «Магония» может быть связана с греческим словом magoi, что означает «маги», и тогда все слово целиком переводится как «страна магов». Мне лично больше

нравится версия с вихрем. Целая страна магов – это как-то скучно, ведь вся суть волшебства в том, что оно подвластно не каждому. Иначе это уже не волшебство, а обыденность. Страна магов – это все равно что страна механиков.

Я с головой погружаюсь в телефон. Нашла: какой-то тип по имени Агобар жалуется, что жители его города верят, будто град и молнию на них насылают обитающие в небе заклинатели бурь.

«Но в дополнение к слухам мы своими глазами видели людей столь глупых и столь безумных, что они верили в существование края, называемого Магонией, откуда прилетают корабли в облаках. На этих кораблях в Магонию увозят урожай, потерянный из-за бури и града, которые насылают на поля заклинатели бурь. По-видимому, воздухоплаватели награждают этих чародеев, а сами забирают зерно и плоды. Среди людей, охваченных столь глубоким безумием, что они полагали все это правдой, многие собрались вместе на совет. Они поймали четверых человек, троих мужчин и женщину, которые якобы выпали с тех самых небесных кораблей, заковали их в цепи и несколько дней держали в заточении. На совете, на котором присутствовали и мы, они выставили пленников на всеобщее обозрение и требовали, чтобы их побили камнями…»

Я поднимаю глаза от телефона.

– Получается, магонцы воруют урожай?

Джейсон самодовольно улыбается.

– Круги на полях меня никогда особенно не интересовали, но ты же знаешь, как их обожают помешанные на НЛО. Ты уже дошла до Гервасия Тильберийского?

– Нет, я все еще читаю «Анналы Ульстера», – вздыхаю я. Конечно же, у него в запасе есть и другие отсылки. Он даже эсэмэски снабжает примечаниями.

– Гервасий приводит один случай, когда необъяснимое событие произошло на глазах у целой толпы. Однажды, выйдя из церкви, прихожане увидели, как из облаков падает якорь. Он застрял в большом камне, лежащем прямо напротив церкви. В следующий момент, проплыв некоторое расстояние по воздуху, по якорному канату спустился моряк и попытался отвязать его от якоря. По-моему, это просто блестяще, разве нет?

Я ввожу запрос в поисковую строку «Гугла».

– Когда это все произошло?

– В тринадцатом веке. В итоге прихожане перерезали канат, а якорь оставили себе и сделали его частью входной двери.

– Это сказка, – говорю я. Тут мне в голову приходит одна мысль. – А что случилось с тем моряком?

Джейсон смотрит мне в лицо.

– Он утонул.

Я встречаюсь с ним взглядом.

– В воздухе. Он утонул в воздухе. Продолжай возмущаться, что я отклонился от темы. Ты ведь у нас последние шестнадцать лет вовсе не тонешь в воздухе, которым свободно дышат все остальные.

Меня пробирает дрожь. Есть в этой истории про якорь пугающие совпадения.

– Вообще-то я почти уверена, что на уроке мистера Гримма увидела за окном вертолет.

– Ну да. И поэтому ты так испугалась. Ты же у нас ни разу не летала на вертолете. Тебя в пятом классе не эвакуировали по воздуху во время школьной поездки, потому что в развлекательном парке в стиле сафари ты перестала дышать.

Я театрально закатываю глаза.

– «И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио»[1 - Пер. М. Лозинского.], – говорит Джейсон Кервин, чем заслуживает упрек в Банальности.

– «Гамлет»? Ты это серьезно? – говорю я. – Я тебе не Горацио. Это все побочные эффекты от таблеток, перья в легких и признаки скорого наступления преждевременной смерти.

– «Гамлет» как раз и построен на галлюцинациях, помешательстве рассудка и случаях преждевременной смерти. Хотя последнее к тебе уж точно не относится, потому что ты не умираешь.

Он поворачивается на месте и еще немного помешивает крем.

Мое недовольство только нарастает и переходит в негодование. Я не могу унять дрожь, как собака, которая хочет отряхнуться от воды. Моя кожа как будто превратилась в утягивающее белье. Сама я никогда его не носила, но мама говорит, что это орудие для пыток, предназначенное для того, чтобы прекратить у женщин циркуляцию крови. Именно так я себя и чувствую.

Некоторое время я молча размышляю и покусываю внутреннюю сторону щеки.

– Я никак не пойму, – говорю я наконец. Я и сама не знаю, отчего так расстроилась, но мне вдруг хочется рвать и метать, а еще я чувствую, что могу потерять сознание. – Ты все-таки думаешь, что у меня галлюцинации?

Джейсон просто смеряет меня взглядом.

– Или ты веришь, что меня ищет летающий корабль? Оттуда, из этой… из этой Магонии.

Последние слова я говорю едва слышно, чтобы проверить, как они прозвучат.

– Я думаю, что ты уже где-то о ней читала, и эта информация болталась у тебя в голове, а теперь выплыла наружу. Ты увидела образование облаков, а твой мозг дополнил эту картину, – отвечает он. Немного подумав, он продолжает: – Корабль в небе – далеко не худшее видение. Радуйся, что тебе не почудилось, будто все на планете охвачено пламенем. У некоторых бывают и такие галлюцинации – после приема лекарств.

– Можешь мне не рассказывать о побочных эффектах лекарств, – говорю я с укором, но ему вовсе не стыдно. Он мне не верит. Я и сама себе не верю. Почему я так сильно хочу, чтобы корабль оказался настоящим? Галлюцинации – это не так уж и плохо. Сама мысль о них куда более удобоварима, чем предположение, что кто-то выкрикивал мое имя с летающего корабля.

– Бывают вещи и похуже, – продолжает он. – Тебе привиделось что-то наподобие диснеевского мультфильма. Что-то среднее между «Питером Пэном» и «Инопланетянином».

Я страшно возмущена этим намеком на то, что у меня галлюцинации как у пациента детской больницы.

– То есть, по-твоему, у меня мозги набекрень съехали, – говорю я. – Отлично. Как скажешь. Тебе лучше знать, – мне хочется задеть его за живое.

– Да, мне лучше знать, – отвечает он таким спокойным тоном, что мне сразу становится стыдно. – Я знаю, как ведут себя мозги, съехавшие набекрень.

– Как ты вообще узнал про Магонию? – говорю я жалобным голосом. – Ты ведь «Анналы Ульстера» не для собственного развлечения читал?

– Помнишь, я конструировал летающую тарелку? Пришельцы и инопланетные корабли – это просто современная версия легенды о Магонии.

– Твоим мамам все равно бы не понравилась эта твоя летающая тарелка.

Ева по профессии биолог, а раньше была экотеррористом, хотя она, наоборот, назвала бы себя борцом с экотерроризмом, потому что в ее понимании террористами являются те, кто бездумно наносит вред окружающей среде. Как бы то ни было, она приковывала себя к деревьям и как минимум один раз поломала с помощью гаечного ключа бульдозер, за что ее потом арестовали. По ней не скажешь, что она на такое способна. Она выглядит как самая обыкновенная мама. Видимо, так все и устроено в жизни.

Теперь она пишет научные статьи о принципах ведения сельского хозяйства и о том, как мы губим наш мир, чтобы построить экономику на основе торговли

продуктами питания. Прочитав одно ее эссе о безответственном подходе к выращиванию бананов, я навсегда исключила их из своего рациона.

– Летающую тарелку я бы изготовил из переработанных материалов, – говорит Джейсон. – Против этого они бы ничего не имели. Вот, попробуй.

Я откусываю эклер, и горячий воздух обжигает мне язык. Как можно быть таким начитанным? Он явно жутко доволен собой.

– Да-да, – говорит он. – Про НЛО я знаю практически все. – Сжалившись надо мной, он продолжает: – А еще после вчерашнего инцидента, когда ты чертыхалась на весь класс и кричала что-то про корабли в небе, я решил погуглить «летающие корабли».

Я посылаю его куда подальше и вздыхаю с облегчением.

– Я просто поискал информацию в интернете. С телефона. Ты и сама могла бы этим заняться, если бы так не разволновалась из-за этих своих – цитирую – «побочных эффектов». Тебе не свойственно выдумывать вещи на пустом месте. И когда ты говоришь, что видела парящий в облаках корабль, я тебе верю. – Он не смотрит в мою сторону. – Так что да, думаю, ты действительно увидела… что-то.

Я испытываю невероятное облегчение, а еще, кажется, благодарность.

– Ты точно ничего не видел? – спрашиваю я с надеждой. – Ни парусов, ни мачты? И ничего не слышал?

Он мотает головой:

– Нет, но это не суть важно. Мы обязательно разберемся, в чем тут дело.

– Правда?

Джейсон берет ложку и наполняет эклеры кремом, затем поливает их сверху шоколадом – и все готово.

– Да, правда. С днем рождения.

Он криво втыкает свечку в один из эклеров и зажигает ее.

– Он у меня не сегодня, – говорю я.

– Ну и что? Загадаешь желание пораньше, – отвечает он. – Если не хочешь задувать свечку, я сам задую.

Я в нерешительности смотрю на свечу. С нее не капает воск.

– Я сейчас сам загадаю желание, – предостерегает меня Джейсон. – А тебе вряд ли захочется, чтобы оно исполнилось.

– И чего же ты пожелаешь?

– Последствия будут просто кошмарными, – говорит он. – Ты будешь разъезжать по роллердрому в костюме аллигатора. Можешь мне поверить, я запросто это устрою.

Я невольно улыбаюсь, а затем закрываю глаза.

– Загадывай, – говорит Джейсон, как будто опасается, что я забуду это сделать.

Я загадываю желание, задуваю свечу и поднимаю на него глаза.

Джейсон наблюдает за мной, покусывая нижнюю губу.

– У меня для тебя что-то вроде подарка, – говорит он.

– Валяй, – отвечаю я. Мне вдруг приходит в голову мысль, что, может быть, это он подстроил сцену с кораблем, и у меня появляется надежда. – Ты арендовал прожекторы? Это был розыгрыш, да?

Джейсон продолжает на меня смотреть. Как-то странно он себя ведет. Обычно он просто с довольной ухмылкой выкладывает подарок на стол. К примеру, в

прошлом году он подарил мне блошиный цирк в террариуме. Купил его у какого-то жалкого вида типа, который всю жизнь посвятил дрессировке блох. Конечно, очень скоро все блохи подохли, но сальто назад они делали просто улетно.

– Что за подарок? – спрашиваю я. – И где он?

Я щупаю его нагрудный карман: там пусто. Мне вдруг становится очень неловко из-за того, что я дотронулась до его груди, и я отдергиваю руку, как будто обожглась. Я трясу кистью, делая вид, что у меня свело пальцы, но в то же время все еще ощущаю тепло его тела, его твердой груди, и… нет-нет-нет, только не это.

– Я подарю его тебе, когда будем смотреть видео с кальмаром, – говорит он наконец.

Я немного растеряна. Я совсем забыла про видео с кальмаром, но Джейсон уже достает ноутбук.

– Это надо смотреть в темноте, – говорит он.

– Пойдем в подвал, – предлагаю я.

В любой другой день нельзя было бы придумать ничего более естественного, потому что большую часть времени мы и так проводим либо в подвале, либо в гараже.

Но сегодня он так смотрит на меня, что мне начинает казаться, будто он выдумал всю эту историю с подводными съемками и гигантским кальмаром и на самом деле собирается окатить меня водой, как только я спущусь в подвал, или достать из кармана мазь, дарующую бессмертие. О других вещах, которыми он мог бы захотеть со мной заняться, я даже не думаю, потому что я – это я, а он – это он.

Мы располагаемся на диване, как вполне обычные подростки. По нам и не скажешь, что мы собираемся смотреть видеозапись головоногого моллюска, незаконно скачанную через тайные каналы.

Джейсон включает ноутбук и открывает видео, а затем вырывает листок из блокнота, что-то на нем пишет и складывает его пополам. Немного помедлив, он дает листок мне.

Я раскрываю его и читаю:

Я { } тебя больше, чем [[[{{{ }}}]]].

Просто скобки, а в них ничего. Я поднимаю глаза на Джейсона, и он отворачивается.

– Ну, вот. Вот и все. Это мое письмо, – говорит он. – Если в нем когда-нибудь возникнет необходимость. Но ее не возникнет. – Спустя пару секунд он добавляет: – Ладно. С этим покончили.

Он легонько бьет мой кулак своим и после этого не убирает руку. Мы касаемся костяшками пальцев. Я чувствую, что краснею. С моей-то голубоватой кожей наверняка я приобрела лиловый оттенок.

Долгое время мы смотрим в темный экран. На нем виднеется что-то блестящее – приманка для кальмара.

Я думаю о том, что он написал.

Я хочу сказать: и я тебя.

Я хочу сказать: я знаю.

Я хочу сказать: я могу заполнить пропуски в твоих предложениях. Я могу заполнить пробелы между буквами. Я знаю твой язык. Это и мой язык.

Я хочу все это сказать.

Но я просто сижу, уставившись в экран и повторяя { } добрых полторы минуты, пока наши с Джейсоном пальцы переплетаются, как будто умеют двигаться независимо от нас.

На экране появляется гигантский кальмар. Он похож на созвездие, возникшее в ночном небе, где прежде не было ни одной звезды. Он расправляет щупальца, весь серебристый, извивающийся и пульсирующий, и проплывает прямо перед камерой. Он такой живой, такой невероятный и в то же время такой настоящий. Его глаза, его щупальца, его огромные размеры завораживают. До этого момента мы видели только мертвых или умирающих кальмаров, а этот предстает перед нами во всем своем великолепии.

Живой.

Мы не смотрим друг на друга.

Мы оба плачем. Это точно.

Он совсем рядом: его рука лежит рядом с моей, его коленка в джинсах касается моей; я чувствую запах лимонной цедры, с помощью которой он оттирает с рук ядовитые вещества, и запах мыла с древесным углем, с помощью которого он смывает их остатки; я чувствую запах карандашной стружки и графита. И все, что я могу сказать, – это ().

Его пальцы скользят вверх и вниз по моей ладони, а другая рука поглаживает мое запястье – и, и, и.

&,&,&.

!!!!

Я не в силах взглянуть на него.

После продолжительного молчания, когда гигантский кальмар уплывает обратно в свое царство, я заставляю себя заговорить:

– Хочешь узнать, какое я загадала желание?

Как будто он и так не знает. Мне кажется, он уже много лет загадывает то же, что и я. Мы оба всегда очень успешно притворяемся, будто ничуть не суеверны, но на самом деле это не так.

– В этом нет необходимости, – говорит он, глядя на меня с горькой улыбкой, и я вижу, что эта улыбка стоит ему немалых усилий.

– Аза, – говорит он, наклонившись ко мне. Я хочу прижаться к нему, правда хочу, и я уже совсем близко, и я не могу дышать, и я – это я, а он – это он, и мы лучшие друзья, и что все это значит? Ему меня жалко?

Нет, нет, это же Джейсон, и он в дюйме от меня. Он все еще плачет, и я тоже. Я придвигаюсь к нему, и он придвигается ко мне, и

за окном сверкает молния.

Белая, шипящая, заставляющая волосы на всем теле встать дыбом, с запахом озона, повергающая в трепет. Прямо на заднем дворе моего дома. Прямо за окном. Совсем близко. В десяти футах от нас.

От неожиданности мы тут же отскакиваем друг от друга.

АЗА, ревет свистящий голос. АЗА ПОРА ВЫХОДИ.

Глава 6

{АЗА}

В окно барабанит дождь, и тут же к нему прибавляется град, такой крупный, что градины можно принять за шарики для пинг-понга. От напора ветра дрожит оконное стекло.

Я соскальзываю с дивана, и Джейсон подхватывает меня, не давая мне упасть.

– Ты это слышал?

– Что, гром? – говорит он. – Мощно, да?

– Да нет же, – говорю я. – Миллион птиц. Целый миллион, и все они ко мне взывали.

Джейсон прижимает меня к себе, что только усиливает мое смятение.

Раздается шум, в котором слились хлопок ударной волны, рев реактивного двигателя, гром и оглушительный грохот, и шум этот взрывается множеством различных голосов:

АЗА.

Шум распадается на отдельные голоса, похожие на гудение проводов, которые отрывками доносятся до меня сквозь ветер. Все – кто, все? – кричат, поют, визжат мое имя.

АЗААЗААЗААЗАЗАЗАЗАЗААЗААЗАЗАЗА

Я хватаю Джейсона за рубашку и вглядываюсь ему в лицо. Он некоторое время прислушивается, а потом мотает головой.

– Вот это да, – говорит он.

– Что?

– Ну и погодка.

Я отстраняюсь от него, поправляю кофту, складываю листок, который он мне дал, и убираю его в карман.

– Ага, – говорю я, стараясь унять дрожь в пальцах.

Черт, черт, черт. Я схожу с ума, на этот раз точно. Таких галлюцинаций у меня еще никогда не было.

Джейсон наблюдает за мной с удивлением и беспокойством. Я стараюсь не вспоминать тот день, когда зашла к себе в комнату и увидела, что все блохи

подохли и валяются на дне террариума среди россыпи блесток.

– Ты как? – спрашивает Джейсон.

– Не очень.

– Из-за всего происходящего, – медленно говорит он, – или из-за того, что я все испортил?

Я мотаю головой – на большее я не способна.

– Мне нужно прийти в себя, – говорю я в конце концов.

Посмотрев на меня долгим, пристальным взглядом, он кивает, закрывает свой ноутбук с гигантским кальмаром и идет наверх. Я остаюсь сидеть в темноте, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. Мне хочется и плакать, и смеяться.

Мы почти…

Но нет.

И…

Спустя несколько минут, когда сердце перестает метаться в груди, я поднимаюсь наверх.

– Ну как ты? – Он моет посуду. Мы оба чувствуем себя страшно неловко.

– Лучше, – говорю я.

Он откашливается.

– Вернемся к Магонии? – спрашивает он, не глядя на меня. – Могу рассказать еще что-нибудь про средневековые инопланетные хроники.

Я смотрю на его спину. Плечи = чересчур высоко.

– Может быть… – начинаю я и умолкаю. Но потом, набравшись смелости, продолжаю. Что, если конец близок? Что, если сегодня мой последний день на земле? Самое время проявить смелость.

– Может быть, я хочу вернуться к тому, чем мы занимались до этого, – говорю я. – Это я все испортила, извини.

Я перехожу на скороговорку:

– Ну-что-если-хочешь-начнем-все-с-начала-хоть-я-и-ходячая-катастрофа.

Джейсон заметно расслабляется: лицо его проясняется, а плечи возвращаются в обычное положение.

– Ты думаешь, что вселяешь в меня ужас… – он всегда произносит эти слова, когда я начинаю себя критиковать.

– Но я тебя не боюсь, – я заканчиваю фразу за него, потому что уже выучила ее наизусть.

Джейсон наклоняется ко мне через стол, и я готовлюсь изменить наш статус, потому что – о господи – мне так сильно хочется изменить наш статус, но именно в этот момент с гримасой отвращения в кухню врывается Илай.

Ничего страшного.

Подумаешь, не удалось поцеловаться.

Вот если бы я годами почти что бессознательно фантазировала о том, как мы целуемся, тогда было бы обидно.

Мне хочется сорваться на Илай, хотя она ни в чем не виновата.

– Там на улице такая паршивая погода, – говорит она, после чего окидывает нас оценивающим взглядом. – Да и здесь внутри тоже. Я попала под дождь. Вы видели молнию?

Она стряхивает с плеча капельку дождя, всего одну. Не удивлюсь, если моя сестра обладает тайным умением ходить между дождинками. Я, наоборот, даже в туманное утро промокаю до нитки.

– Илай, – говорю я. – Не могла бы ты…

Она, должно быть, научилась еще и читать мои мысли, потому что мгновенно занимает оборонительную позицию.

– Это и мой дом тоже, – отвечает она. – Ты не имеешь права выгонять меня из кухни.

– Я тебя не выгоняю, – говорю я, содрогаясь при мысли, что она может как-то прокомментировать то событие, которому только что воспрепятствовала.

– А собиралась, – говорит она, садясь за стол. Ну и чутье у нее. – Но я никуда не уйду, не дождешься. Я есть хочу.

Покашливая, я ухожу к себе комнату, где стоит лютый холод, а они остаются в кухне есть эклеры.

До процедуры осталось одиннадцать часов, не то чтобы я считала. У меня нет никакой необходимости считать часы, ведь я вовсе не собираюсь завтра умирать.

Я достаю листок бумаги, подарок Джейсона, и принимаюсь его разглядывать. Он поступил нечестно: теперь мне еще сильнее хочется жить. Я { } тебя больше, чем [[[{{{ }}}]]].

Я одновременно и улыбаюсь, и плачу.

И тут сильный порыв ветра распахивает окно. В смущении я прячу записку в карман.

Должно быть, мама опять пыталась убраться у меня в комнате и забыла его запереть.

Я выглядываю в окно. Как это ни парадоксально, на улице снегопад, хотя сейчас лишь ноябрь и только что шел дождь. Лужайка на заднем дворе уже покрылась тонким слоем снега, а небо потемнело и отливает тусклым блеском. Создается впечатление, что снег – это поверхность Луны, что мы одновременно находимся и здесь, и в открытом космосе. В действительности так оно и есть: ни к чему не привязанные, мы кружим в темноте, как Марс и Венера, как звезды.

Нет, я не буду плакать.

Со стороны окна раздается скрип.

Я размышляю о космическом мусоре. Может быть, каждую планету в нашей Солнечной системе выбросили чьи-то гигантские руки. Каждая звезда – это скомканный лист бумаги, подожженное любовное письмо, тлеющий сигаретный пепел.

Среди торчащих из-под снега травинок по двору пугливо прыгает красногрудый дрозд. Он склоняет голову набок и обращает ко мне взгляд.

Я заставляю себя отвернуться и принимаюсь рыться в шкафу, выбирая, какие вещи возьму с собой в больницу. Из кухни доносятся голоса Джейсона и Илай. Он что-то плетет про град, который оказался дождем из лягушек, замерзших в кусочках льда. Он обожает такие истории.

Где-то вблизи раздается щебетание. Повернувшись, чтобы закрыть окно, я вижу, что всю лужайку облепили птицы. Дрозды, и вороны, и сойки, и чайки, и синицы, и ласточки – всего их штук пятьдесят.

А на подоконнике у меня сидит маленькая ярко-желтая птица с черным клювом. Ее расправленные крылья похожи на мантию из лепестков бархатцев.

Это она щебечет.

Она здесь, говорит птица. Она готова.

Нет, этого не может быть. Это же птица, она не умеет разговаривать. В этот момент она открывает клюв, и оттуда раздается долгий, пронзительный звук.

Остальные птицы замирают, как будто чего-то ждут. Я пытаюсь согнать ее с подоконника, но, как только я собираюсь опустить створку окна, все птицы одним движением вскидывают головы и устремляют на меня взгляд.

Они не просто смотрят в мою сторону – на заснеженной лужайке сидит целая туча птиц, причем многие из них не должны сейчас находиться в наших краях, и все они наблюдают за мной и чего-то ждут. На лужайку опускается ястреб, потом сова. Остальные птицы не обращают на них ни малейшего внимания.

И это какое-то безумие, безумие вроде дождя из лягушек, только тут дождь не из лягушек, а из птиц, и меня всю трясет от холода, а еще от чего-то другого. Маленькая птица, сидящая на подоконнике, никуда не улетает. Она просто глядит на меня.

– Кыш! – кричу я, кашляя и дрожа, но птицы не двигаются с места. И вдруг они начинают петь.

Говорить.

Хором.

Аза Рэй.

Я чувствую странное постукивание в груди, которое тут же сменяет новое, незнакомое ощущение, как будто у меня в легких появилась огромная дыра. Маленькая желтая птица заглядывает мне в глаза. Я закашливаюсь.

И вдруг птица залетает мне в рот.

Я чувствую ее крохотные твердые косточки, когтями она корябает мне зубы. Я силюсь закричать, но весь рот забит перьями. Она проталкивается все глубже, расправляя крылья сначала у меня во рту, потом в горле, и мне нечем дышать, и в следующий момент она уже залезает в трахею, и спустя еще несколько секунд изнутри моей грудной клетки раздается голос.

Получилось, поет желтая птица. Я ощущаю, как она двигается у меня в левом легком. Получилось. Я внутри. Все готово.

Я издаю вопль. Там, внутри, она свистит и бьет крыльями, а в голове у меня только одна мысль: перо-перо-перо.

Мне в легкое залетела птица? МНЕ В ЛЕГКОЕ ЗАЛЕТЕЛА ПТИЦА? Я задыхаюсь.

Я смотрю в окно. В облаках виднеется…

О боже… над верхушками деревьев показываются паруса и снасти, на верхней палубе различимы темные силуэты. Я вся в слезах и прижимаю руки к груди и не знаю не знаю не знаю что делать.

Готовыготовыготовывперед, свистит птица у меня в груди, и все остальные птицы смотрят на меня так, будто я понимаю, что сейчас происходит. Вот и все вот и смерть вот каково это умирать и почему ни в одной книжке про смерть не сказано что в последний путь тебя будет провожать стая птиц? А где же белый свет? Где же мир и покой? Где же Глас Господа и ангелы?

Из облаков, извиваясь, спускается спускается спускается трос – может быть, это сон? Он раскачивается прямо у меня за окном, и здесь не осталось воздуха, и нигде не осталось воздуха.

Готовыготовыготовы, доносится из моей грудной клетки. Небо наполнено градом, и снегом, и ветром, и таинственным свечением. Птицы взлетают с лужайки и хватаются когтями за трос. У меня голова идет кругом. Я задыхаюсь.

Глава 7

{АЗА}

Когда я прихожу в себя, перед глазами мелькают красно-бело-синие огни. Я в машине «Скорой помощи», под спасательным одеялом, а рядом со мной папа, Джейсон и Илай. За окном сильный снегопад.

Я пытаюсь сесть, но обнаруживаю, что пристегнута к каталке. На лице у меня маска. Мне хочется сорвать ее, хочется кашлять, хочется говорить.

– У тебя случился приступ, – объясняет фельдшер, медленно и отчетливо произнося каждое слово, будто разговаривает с кем-то, кто ничего не смыслит в происходящем. Я профессиональный пациент, пусть даже я не знаю, как здесь очутилась, как ее зовут, куда меня везет «Скорая» и почему.

В грудной клетке все смолкло.

Птица смолкла?

– К тебе в комнату слетелись птицы, много-много птиц, – говорит Илай дрожащим голосом. – Я прибежала на их крики. – На ее лице написан ужас.

Джейсон держит меня за руку, крепко сжимая мои пальцы.

Что произошло?

В реальном мире я вообще не чувствую своей руки, но зато я чувствую руку Джейсона. Мне хочется высвободиться: у меня возникает ощущение, что он удерживает меня там, где я быть не желаю. Но это неправильно. Это же Джейсон. Я хочу, чтобы он держал меня за руку.

Папа плачет. Он держит мою вторую руку.

– Аза, не переживай, – говорит он. – Тебя подключили к аппарату искусственного дыхания. Ты задыхалась, поэтому и произошел приступ. С тобой все в порядке. Все не так плохо. Мама уже выехала, она была в лаборатории.

Мне кажется, что я наблюдаю за происходящим со дна бассейна.

– Ты как будто тонула, – говорит Джейсон, так тихо, что я едва его слышу. – Ты вся посинела и перестала дышать. У тебя в грудной клетке… были спазмы, и оттуда доносились очень странные звуки. Я сделал тебе искусственное дыхание.

Я гляжу на его губы. Так, значит, они касались моих. Я вспоминаю о записке – она все еще у меня в кармане.

Я несколько раз моргаю, чтобы показать, что поняла его. Но я не понимаю. Я вспоминаю про птицу – о господи, она все еще у меня внутри – и снова порываюсь сесть. Ее необходимо вытащить.

Может быть, у меня сердечный приступ? Легкие как будто сдавило, и в то же время их как будто чем-то наполнили.

– У меня в рюкзаке письма, – говорит Илай. Ее голос кажется чужим и неестественным. – Извинения и признания в любви. Но свое я так и не написала. Я сочиню его прямо сейчас, ладно? Прости меня за то, что иногда я притворялась, будто ты мне не сестра, и говорила, что мы не родственники, прости меня за то, что однажды я украла твой свитер, прости меня за то, что я смеялась над твоим кашлем и один раз даже сказала прохожим, что ты проглотила телефон!

Я смотрю на Джейсона. Я смотрю на него и удивительным образом на миг забываю о птице и говорю: { }.

– Аза, ты меня слышишь? – спрашивает папа, и в его голосе звучит паника. Не просто паника – отчаяние. – ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Я нахожу глазами Илай и говорю: { }.

– Прости меня, Аза! – тараторит Илай, вся в слезах. – Прости за все, что я тебе когда-либо сделала!

Она извиняется даже за несуществующие провинности.

Я перевожу взгляд на папу и говорю: {{ }}. Это для него и для мамы.

Папа расплывается и исчезает. Теперь я вижу только свои ресницы и веки, а еще я вижу свой мозг с лабиринтом коридоров внутри; коридоры темные и узкие и продолжают сужаться, и на меня надвигаются книжные шкафы, из которых валятся книги, и на полу скапливаются груды книг с помятыми страницами и исковерканными словами, и я бегу по всем этим коридорам, пытаясь найти выход, прежде чем обрушатся стены.

Мои внутренности складываются, точно я одно большое оригами. Я думала, что умирать будет больно, но боль, которую я испытываю уже целую вечность, теряет всякий смысл, так же как и мои кости. Я делаю вдох и выдох и

Птичка у меня в груди

Птичка у меня в груди

В небе корабли плывут

Последние мгновения перед смертью

Вот мои последние мгновения перед смертью: буря, птица, смятение, холодно не могу говорить не могу сказать им что люблю их не могу

Сколько еще ехать до больницы?

Я вытягиваю шею и пытаюсь заглянуть в переднюю часть салона. За рулем рыжеволосый фельдшер. Он бросает на меня взгляд.

Машина резко сворачивает.

Илай всхлипывает. Джейсон что-то быстро мне говорит. Его дыхание щекочет мне ухо. Я наблюдаю за водителем: машину заносит, и он до упора выкручивает руль.

Мы медленно кружимся посреди заледеневшей дороги. Все кричат – все, кроме меня, потому что я кричать не могу. Я пытаюсь дышать, я пытаюсь удержаться, но у меня не выходит.

Я ускользаю.

Стекла на окнах покрываются льдом, а я лежу на каталке, и рядом со мной мои близкие, и все это уже не имеет значения.

Жизнь и смерть различаются вовсе не так сильно, как я думала. Смерть не похожа на путешествие в другую страну. Скорее она напоминает переселение в другую комнату в доме: тот же самый коридор, те же самые семейные фотографии в рамках, только посередине стеклянная стена.

Я здесь. Но меня здесь нет.

Если это и есть смерть, то я готова. Я как темная материя. Внутри меня целая вселенная, но ученым так и не удалось узнать, что же в ней кроется. Похоже, по большей части я состою из загадок.

Птица у меня в груди начинает свистеть: она поет мне колыбельную.

Машина стоит на льду и никуда не двигается, но сирена и мигалка все еще включены. Фельдшер, которая ехала с нами сзади, спешно вызывает по рации вертолет: «У нас чрезвычайная ситуация…»

Рыжеволосый фельдшер выбегает на улицу и задирает голову.

– Буду сигнализировать, – кричит он, исчезая в снежном вихре.

Я океан, и в моих глубинах плавает гигантский кальмар. В грудной клетке у меня мечется из стороны в сторону и бьет крыльями птица.

– Воспаление легких, – говорит женщина-фельдшер.

– Аза, не надо, – говорит папа. – НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО.

Он запрещает мне умирать, и я хочу его послушаться.

Я смотрю на папу. Я смотрю на себя саму, и уже не так важно, кем я была.

Куда лежит мой путь?

Готовыготовыготовы, говорит птица у меня внутри. А кто-то снаружи ей отвечает: Готовыготовыготовы.

Что-то сильно бьет меня в грудь. Меня? Это все еще я? Тут я понимаю, что происходит: меня реанимируют с помощью дефибриллятора.

– Тебе необязательно умирать, – шепчет Джейсон.

Илай что-то быстро говорит в мобильный телефон.

– Мамочка-приезжай-сюда-как-можно-скорее-приезжай-немедленно-поторопись-я-не-знаю-я-не-знаю-что-случилось-все-очень-плохо!

Из трубки доносится мамин голос. Этот голос я узнаю везде. Она убеждает Илай, что все будет хорошо, и говорит она таким уверенным тоном, что я уже почти готова ей поверить и думаю: «Может быть, я чего-то не знаю?» Но потом Илай, давясь рыданиями, отвечает ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. М. Лозинского.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hedli_mariya/magoniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить